

РОБЕР ДЖ. ГОЛЬЯРД

БЕЗОБРАЗНАЯ
ЭЙВНОН,
ИЛИ СОН РАЗУМА

СКАЗАНИЯ О КОРНВАЛАНСЕ

18+

Робер Дж. Гольярд Безобразная Эйвион, или Сон разума

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63995197
SelfPub; 2021*

Аннотация

Говорят, что среди людей живет дочь повелителя чудовищ, та, которую зовут Чёрной девой. Одна половина ее человеческая, другая – отцова, безобразная. Долгие годы искала она суженого, а не найдя, обозлилась на род мужской, и теперь бродит по земле в разных обличьях и вредит ему всеми силами. И еще говорят, что ее любовь несет с собой смерть. Эйвион Ллир – сирота, дочь и единственная наследница родителей благородного происхождения, вынужденная влачить безрадостное существование в забытом богами замке своих опекунов. Она молода и привлекательна, но... только правой стороной лица. У неё нет будущего, ибо слева – тёмная отметина. И у несчастной девушки даже не всегда хватает сил удержать слёзы после очередной порции насмешек и издевательств. А потому неудивительно, что она преисполнена благодарности к молодому рыцарю, который вырвал её из унылой повседневности. Но не спешите протягивать руку помощи тому, кто к этому зывает. Как бы потом не пожалеть.

Содержание

Пролог	4
Книга первая. Госпожа Ллир	9
Глава 1. Эйвион	9
Глава 2. Чёрная дева	24
Глава 3. Белая башня	38
Глава 4. Керк	49
Глава 5. Новый подданный	62
Глава 6. Глотка тролля	77
Книга вторая. Эйша	92
Глава 1. Рабыня	92
Глава 2. Та, которую выбрали	102
Глава 3. Харим господина Тар'иика	117
Глава 4. Лечебное снадобье	131
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Робер Дж. Гольярд Безобразная Эйвион, или Сон разума

Пролог

Кто выведет тебя из леса, если лес – внутри тебя?

Пальцы едвагнулись от холода, царившего в келье, и тело время от времени сотрясала мелкая дрожь, но послушник, мальчик лет одиннадцати на вид, упрямо продолжал листать страницу за страницей.

Снаружи лил дождь, и вода, лужей собравшаяся перед высоким порогом, уже нашла себе дорожку между камнями. По полу побежал ручеёк, но мальчик, мельком глянув в сторону открытой двери, лишь досадливо повёл плечом. Порыв ветра чуть не затушил фитиль, плававший в плошке с жиром, и он торопливо прикрыл её рукой.

Дверь была распахнута настежь, как все двери и ставни во всём монастыре Суон, ибо на дворе стоял Утиный месяц, иначе называемый месяцем Единения. Это было время ночи, когда врата подземного царства раскрываются и выпускают в мир людей тысячи тысяч душ умерших, давным-дав-

но отправившихся в путешествие на ту сторону Глейра, и нет ничего страшнее для живых, чем оставить страждущих за враждебно закрытой калиткой.

Книга была старая настолько, что от неосторожных прикосновений дрожащих пальцев иссохший пергамент сыпался трухой. Ни единой миниатюры, ни красочных инициалов, лишь странные на вид знаки испещряли жёлто-коричневые с неровными краями листы. Закусив от старания губу, послушник с трудом разбирал выцветшие письма, проговаривая некоторые слова вслух. «Кажется, так, – бормотал он, и тут же сердито кривился: – Нет, не так».

– Здесь не «э», здесь надо читать «а»! – наконец, с удовлетворением объявил он самому себе. – Не «Эйрон», а «Айрон». Айрон Добрый.

«...связали они доброго короля, и бросили его на колени, и Эдгар-варвар наступил ногой на его спину. Прочие конунги были там: Артайр, Вуффа, Гутрум, Крон, Волтер, а среди них и Рикберт Злой, что лишь недавно пировал за столом Айрона в его светлых чертогах, произнося лживые речи и клянясь в вечной дружбе. И каждый из них проходил мимо Айрона, и плевал ему в лицо.

Слёзы катились по щекам доброго короля, но не от жалости к себе, а от скорби по несравненной синеокой Гвендолин, и не мог он оторвать взора от дикого пламени, пожиравшего его единственную дочь, наследницу славного престола. И, не помня себя от горя, проклял Айрон жестокосердных, и

призвал в свидетели обету своему Тёмного бога.

И сказал он: я призываю тебя, о, древний и единственный, Отец всего сущего, повелитель стихий, начала и конца, рождения и смерти, первого и последнего слова, прародитель, присутствующий всегда, распространяющийся беспрерывно и всеобъемлюще всюду, чьё благоволение дарует жизнь вечную, а гнев обращает камень в огонь, и семь морей застывают льдами...»

Послушник читал вполголоса, запинаясь и старательно водя пальцем по строчкам, словно заворожённый звуком собственного голоса, когда вдруг небо полыхнуло молнией, и спустя пару мгновений раздался оглушительный удар грома.

Он крупно вздрогнул, обернулся, и тут же соскочил с высокого табурета.

– Отец Адельм...

– Феон, что я вижу?!

В келью, нагнувшись, чтобы не задеть притолоку, вошёл высокий монах. Голова его была скрыта под капюшоном, вода лилась с рясы ручьями. Выпростав руку из широкого рукава, он указал пальцем на раскрытый фолиант. Лохматые брови монаха гневно хмурились.

– Где ты взял книгу, Феон? Тебе не хуже моего известно, что послушникам вход в библиотеку и скрипторий закрыт! Или ты думаешь, что сыну рыцаря всё дозволено?

Мальчик смешался.

– Я... нет. Моя вина лишь в том, мейстер, что я не рас-

сказал о ней. Я нашёл её...

– Вот как?

– Пусть *матолух* заберётся мне в глотку, мейстер! Она лежала в сундуке на чердаке над кухней. Сегодня во время вечерни там треснула потолочная балка, мусор посыпался, прямо в чан с кашей, и отец Элгмар сказал мне лезть наверх, прибраться.

– Книга на чердаке?!

– Да, мейстер, – закивал Феон, – я и сам удивился. Ей-богу, там с года Основания никто не прибирался, такая пылица, что жуть. Но было уже поздно, и я...

– Хм...

– Она на древнем языке, мейстер! Помните, вы говорили, что таких уже не осталось?

Рука монаха едва заметно дрогнула.

– О, боги... ты читал её?

– Да, – радостно сообщил послушник. – В наших молитвах много слов на древнем языке, я помню их все! Я даже не думал, что мне так быстро удастся разобраться в этих письменах. Они похожи на наши, только некоторые буквы произносятся не так, как пишутся, а другие вообще непонятно, что значат. Но я понял почти всё! А помните, вы рассказывали про прекрасную принцессу Гвендолин, которую первые корны сожгли на костре? – едва не захлёбываясь от восторга, продолжил Феон. – Там написано про неё...

– Глупец... – прошипел отец Адельм, заставив послушни-

ка испуганно замолчать. – Уметь читать – не значит понимать.

Монах с опаской приблизился к столу, и, лишь мельком заглянув в открытую книгу, захлопнул её. Затем обернул валившейся тут же рогожей, и принялся засовывать в складки своего необъятного одеяния. Замер, задумавшись.

– А там было... что-то вроде заклинания? – тихо спросил он.

– Да. Когда Айрон Добрый призвал...

Монах поднял руку.

– Замолчи.

Феон дёрнулся, решив было, что сейчас схлопочет подзатыльник, но бешеное любопытство, светившееся в его глазах, видимо, пересилило страх.

– Мейстер, – шмыгая и вытирая нос рукавом, пробормотал он, – а можно оставить мне её хотя бы на эту ночь? Я очень хотел бы дочитать про ту принцессу. Очень хочется узнать, как она возродится...

– Глупец, – безнадежно повторил монах. – Молись богам, чтобы этого не произошло...

Он развернулся, взметнув подолом рясы, и шагнул под дождь. Остановился, и глянул через плечо.

– А если по твоему недомыслию это *уже* случилось, молись, чтобы ненароком не оказаться у неё на пути.

Фигура отца Адельма растаяла в темноте. Феон, не понимая, стоял посреди кельи.

Книга первая. Госпожа Ллир

Глава 1. Эйвион

– Это случилось в год Красной Шали, милые мои.

Старуха задумчиво пожевала губами и продолжила:

– Тогда, помнится, весь скот в Дарме вымер. И не только скот: жену Бадара на четвёртый день нашли. Она коз своих искать отправилась, да и сгинула. А выловили её в топях, с дырой в груди. Как её в те места гиблые занесло, непонятно.

– Что за дыра, бабушка?

– Неведомо. Я сама тогда маленькая была, знаю только то, что рассказывали. Говорили: дыра чёрная, словно выжженная, с кулак размером. И не людских это рук было дело. Ту женщину на болотах и похоронили, чтоб заразу не выносить. Так вот: собрались мы общиной, да к господину пошли, с просьбой разрешить к лесу обратиться, чтоб указал он на виновника, да наказал супостата. Господин милостиво позволил. Две ночи мы у сторхов траву жгли, а на третью прилетела Красная Шаль и забрала баронскую жену. И тут решили все, что именно она-то и повинна во всех бедах.

Две девичьи головки, торчавшие из-под дырявого одеяла, испуганно заохали.

– Да-да, милые. А барон тогда осерчал очень: не мог он

вину супружницы своей признать. Налетел на деревню, как ворон, и столько домов пожёг, да народу загубил, что жуть. За то, значит, что мы своим поганым колдовством его жену уморили. Отца моего убили тогда, а матушка на следующий же день котомку собрала, и отправились мы в Озёрный Луг – здесь сестра её жила, моя тётка, значит. С той поры тут и обретаюсь. Слыхала я, что Дарму после этого конец пришёл: кто мог, разбежался, а остальных Круахова топь поглотила. Шали летали да мортохи, и народ в пучину утаскивали. Вот так-то.

Сжав губы в венчик, старуха покачала головой и, повернувшись к очагу, длинной кочергой принялась ворошить затухающие угли. Вспыхнувшие язычки пламени на мгновение осветили каменные стены и низкий потолок с тёмными от копоти балками. Комната была маленькая, с дощатым столом, табуретом, и большим топчаном в углу. Подруги на кровати шебуршились и повизгивали, укладываясь поудобнее.

– Она обзывается, – подала голос одна из них, – говорит, у меня на лице печать Вилова...

– А чего она пихается...

– А ну, молчать! – Старуха стукнула кочергой по камню, окружавшему очаг. – Словно дети малые... Уж замуж пора, а они всё никак не наиграются. Айрис, глупая... уж сколько раз говорила, что ты Эйвион не ровня. А то, что печать – так богам угодно было, и нет в том её вины. Смотри, отхватишь когда-нибудь плетей за то, что нет у тебя к крови почтения...

– Всё равно уродина. Ежели знатная такая, то чего с нами живёт? – упрямо заявила Айрис и тут же ойкнула, получив удар локтем в бок.

– Тише, вы! – грозно прикрикнула старуха. – Уж ночь на дворе. Вот прилетит сюда шаль да заберёт вас, неслушниц...

Девочки замолчали, натужно пыхтя и пытаясь поделить одеяло. Старуха уселась на табурет. Её лицо, с длинными космами седых волос, выбивавшихся из-под чепца, в дрожащих отблесках тлеющих головёшек казалось мёртвым.

– Матушка Маргет, а какая она... *шаль*? – наконец тихонько спросила Эйвион.

Старуха едва заметно пошевелилась, глянув искоса.

– Она... страшная. Спи, а то всю ночь кошмары будут мучить.

В щелях между ставнями свистел ветер.

* * *

– Вставай... – Старуха трясла Эйвион за плечо. – Зовут тебя...

– Кто? – Эйвион села на кровати, протирая глаза. Ногти у неё были неровные, обкусанные, с чёрными полосками грязи.

– Её милость Блойдеин. Айрис, воды принеси, два ведра.

– Зачем это? – недовольно спросила Айрис. Она тоже проснулась, но тут же отвернулась к стене, натянув одеяло

на голову. Старуха бесцеремонно сдёрнула одеяло, попутно наградив внучку подзатыльником. Айрис ойкнула.

– Живее, говорю. Иначе мать твоя как вернётся, всё ей расскажу, уж отгаскает тебя за косы.

Буркнув что-то под нос, Айрис спрыгнула с топчана, незаметно для старухи показав язык.

– Зачем вода, матушка Маргет? – спросила Эйвион. – Ежели умыться, так я к ручью могу сходить.

– Велено в порядок тебя привести, говорят, приехали за тобой.

– Кто?

– Не знаю. Вставай. Помоги очаг разжечь.

Эйвион легко вскочила на ноги, чуть поежившись от холода. Старуха открыла ставни, и в комнату вместе с блёклым утренним светом ворвался свежий осенний ветерок. Небо было затянуто серыми тучами. Не обращая внимания на колючую солому, устилавшую каменный пол, Эйвион быстро натаскала веток, прихватив пару поленьев потоньше – всё из кучи дров, сваленных в углу комнаты, и, опустившись на колени, принялась чиркать кресалом.

– Помыться надо, расчесаться, – бормотала матушка Маргет, копаясь в сундуке. – Платье я тебе другое дам, всё поприличнее будет.

Тем временем появилась Айрис с двумя кожаными ведрами. Повинуясь указаниям бабки, она наполнила большой таз. Маргет, вооружившись железными щипцами, вытащила

из огня несколько камней и бросила их в воду. Булыжники зашипели, выпуская облачка пара. Подождав некоторое время, старушка кивнула.

– Раздевайся.

Эйвион послушно стянула рубаху и, под взглядом Айрис едва сдержав блаженный вздох, шагнула в чуть тёплую воду.

Эйвион уже вступила в тот возраст, когда девушки начинают обращать на себя внимание парней. За последний год она очень сильно вытянулась, и пока не могла похвастаться приятной взору округлостью форм: угловатые руки и ноги были непропорционально длинны, а маленькие груди торчали острыми конусами. Но рядом с ней даже почти безгрудая Айрис вызывала у мальчишек куда больший интерес: круглолицая, с забавными ямочками на щеках, озорными карими глазами и копной тёмно-русых волос.

Эйвион украдкой дотронулась до своей щеки, ощутив, как всегда, бугристую кожу.

Она плохо помнила ту ночь. Крики, звон мечей, треск ломающихся ворот, длинные языки пламени, лизавшие стены, и мать, бегущая к ней с протянутыми руками. Босиком, в разорванной рубашке, волосы лезли ей в глаза, а по ногам текла кровь. «Доченька, доченька...» Маленькая Эйвион плакала и тоже тянула ручонки, пытаясь слезть с высокой кровати. А потом мать упала, и за её спиной возникла фигура в шлеме и заляпанной красным кольчуге. Эйвион закричала от ужаса, а тот солдат, глянув на неё мельком, развер-

нулся и ушёл.

А потом – страшный жар, грохот рушащихся балок и пылающий балдахин.

Больше Эйвион не помнила ничего, но до сих пор иногда просыпалась по ночам, видя перед собой тёмные прорезы того шлема.

Уродина. Кроме Айрис, её подружки с детства, никто в нижнем дворе не смел говорить ей это в лицо, но за спиной Эйвион слышала такое нередко, особенно тогда, когда только появилась в Озёрном Лугу, и маленькие девочки с нижнего двора кричали обидные слова и кидались камешками. Она убегала, и время от времени плакала, забившись в какую-нибудь каморку. Кроме Айрис, у неё был только один друг – рыжеватый парнишка по имени Ивар, сын замкового плотника, который, кажется, совсем не обращал внимания на её ущербность. Но он был мелковат, и в случае надобности у Айрис с её острым язычком куда лучше получалось защитить достоинство подруги. Айрис свято оберегала за собой исключительное право говорить Эйвион гадости.

Ивар и Айрис были её самыми большими друзьями. Вместе они ходили собирать грибы, ежевику и землянику, играли в прятки и плескались в реке, часто в компании с другими мальчишками и девчонками из Озёрного Луга. Врагов у Эйвион не было, хотя время от времени всё же кто-нибудь прохаживался – беззлобно, либо наоборот, стараясь обидеть, – по поводу её обезображенного лица. А однажды – это слу-

чилось примерно с полгода назад, – во время купания и весёлых догонялок в Каменном ручье, один из парней, по имени Кадел, этакий дылда, вечно не дававший Эйвион прохода своими издёвками, затащил её в лес и прижал к дереву. Её платье осталось на берегу, и корявая кора больно раздирала голую спину.

– Ну, давай, – похотливо забормотал он, лапая по всему телу, – раздвинь ножки.

Она тогда еле вырвалась, врезав ему коленкой и расцарапав лицо, а после этого боялась пройти мимо Кадела. Нет, больше он никогда не делал таких попыток, но после этого не упускал случая отпустить её вслед какую-нибудь гадость. Больше того: он поведал всей дворне, как Эйвион домогалась его, пока он, наконец, не дал этой уродине пинка под зад.

Кое-кто поверил этим рассказням, но большинство, слава богам – нет; Кадел был известен своим мелочным и жестоким нравом, а Эйвион, как ни крути, всё же была дочерью рыцаря. Тем не менее при встрече госпожа Блойдеин прилюдно наградила её увесистой пощечиной. «Шлюхам не место в моём доме», – громко заявила она, окинув Эйвион уничижительным взглядом. А её дочь Дилис стояла рядом, насмешливо наблюдая за экзекуцией. Дворня перешёптывалась, а некоторые откровенно хихикали, показывая на Эйвион пальцами.

Впрочем, она давно заметила: если в ответ на насмешку

не плакать, не говорить ничего, а лишь посмотреть холодно и презрительно, обидчик, скорее всего, замолчит. А если не замолчит, надо просто встать и уйти, так, как и подобает ле-
ди.

Холодно и презрительно смотреть получалось не всегда, но время шло, к её внешности привыкли, однако в последний год Эйвион всё чаще и чаще оставалась одна. Собравшись вечером возле прачечной, девочки увлечённо шушукались о том, как подмастерье кузнеца Брин вместе с Уной убежали куда-то вчера после заката, и вернулись уже за полночь. Брин считался завидным женихом: высокий, широкоплечий, и уже подмастерье. «Тоже мне, – с едва заметной завистью соглашались подружки друг с другом, – нашёл, с кем гулять. Она ж кривоногая...» При таких разговорах Эйвион словно и не было – они болтали, отводя глаза, а она сама просто сидела в сторонке и молчала. И вдруг, сговорившись о чём-то, девочки вскакивали и уносились, как ветерок, забыв позвать её с собой.

Со временем она привыкла к этому одиночеству, и чем дальше, тем больше мечтала о том, что когда-нибудь за ней приедут, и она навсегда покинет постылый Озёрный Луг. Там, за воротами замка, её ждала другая жизнь.

– Матушка Маргет, а вы совсем не знаете, кто за мной приехал?

– Не знаю. Кто-то на лошадях. Майлог сказал – рыцарь. Старушка ожесточённо тёрла ей спину и худые ягодицы.

Потом всунула в руки Эйвион клубок спутанных льняных нитей.

– Всё, дальше давай сама.

Маргет подошла к столу и, взяв нож, принялась тщательно его точить. Затем, покряхтывая, опустилась перед Эйвион на колени.

– Что? – изумилась девушка.

Старуха указала взглядом на её лобок, заросший тёмными волосами.

– Сбрить надо, некрасиво.

– Некрасиво? – фыркнула Айрис. – Отчего ж некрасиво?

– Тебе это без надобности, – сварливо бросила Маргет. – А ты – стой и не дёргайся. Привыкай, у знатных оно всё по-другому.

Эйвион стиснула зубы, едва не повизгивая от боли. Нож был старый и недостаточно острый.

– Зачем это? – снова подала голос Айрис. – Неужто женишок приехал?

Старуха пожала плечами.

– Кто знает...

Глаза у Айрис загорелись.

– Что, правда жених? А куда уедет? А может – в Керк? Или даже в Эри? А можно, я с ней поеду? Эйвион, возьмишь меня, а?

– Ишь ты, – фыркнула Маргет, – а что я матери-то скажу? Вот что: Айрис, езжай-ка ты пока на кухню, да попроси Га-

рана, пусть даст белого мёду, масла из винного камня, имбиря и корень алтея. И скажи – её милость велела, а иначе этот боров не пошевелится.

Айрис, с заинтересованным видом выслушав указания, вспорхнула, как птичка, и выскочила за дверь. Матушка Маргет тем временем хлопотала вокруг Эйвион, вытирая её чистым куском выбеленной холстины. Закончив эту процедуру, она усадила девушку на табурет. В её руках появился большой деревянный гребень.

– Да я и сама могу, – вспыхнула Эйвион. Что же: старушка думает, раз на лице печать Вилова, так она и вовсе ущербная?

– Не можешь. Тебя ещё на свете не было, когда я госпоже Блойдеин косы заплетала. Тут по-особому надо.

Эйвион тяжело вздыхала и стоически сдерживалась, когда волосы цеплялись за выщербленные зубья расчёски. Точнее – даже не обращала на это внимания. Шевелюра у неё была густая и длинная, русая, почти медового цвета. Мысли о выдернутых волосках были сущей ерундой по сравнению с тем вихрем, что кружился в её голове. Она не знала, о чём думать. Неужели правда жених? Как? Кто? Кто-то захотел взять её замуж? Но он же не видел её. А что будет, когда увидит?

Эйвион прикрыла глаза. Смотреть на каменные стены, на которые она смотрела уже тысячу раз, не хотелось. В каких-то женихов не верилось, хотя её милость Блойдеин пару

раз прямо упоминала о возможности такого исхода событий. Последний раз – не далее месяца тому назад.

С откровенной безгловостью поглядывая в сторону своей воспитанницы, она говорила так, словно тяготилась самой необходимостью говорить.

– Ты дурно влияешь на мою дочь. Когда ты попадаешься ей на глаза, у неё начинаются мигрени. Я не могу позволить терпеть рядом с нею такое... – Она скривила губы и неопределённо повела рукой, будто разводя паутину. – Ты живёшь здесь только потому, что мой покойный супруг слишком трепетно относился к своим вассальным обязательствам.

Госпожа Блойдеин встала с кресла, нависнув над девушкой, как жирная медведица.

– Отец твой на ладан дышит. И, хоть и выглядишь ты, как дочь дхарга, ты остаёшься его наследницей. Земелька не ахти какая, но и на неё охотники найдутся. Другое дело, – она щёлкнула пальцами, – найдутся ли охотники на тебя? Но будь уверена: как только поступит соответствующее известие от лорда Марреда, ты немедленно покинешь Озёрный Луг.

Эйвион вздрогнула, пронзённая внезапно мелькнувшей мыслью. Матушка Маргет недовольно заворчала.

Неужели что-то случилось с её отцом?

Он жил где-то далеко, среди холмов, заросших буйным чертополохом, в маленьком замке Лпир, что на берегу Северного моря, на мысе, который называли Носом Тролля.

Она помнила отца очень смутно. Большой, с длинными усами. Когда Эйвион была совсем маленькой, он начал войну с тем самым лордом Марредом. Или лорд Марред начал войну с ним – Эйвион не знала подробностей, а её милость отмахивалась от неё, как от назойливой мухи, стоило Эйвион что-то спросить. В ту ночь её мать убили, а отец потерял всё. Лорд Марред забрал у него дочь – как заложницу, как гарант мира, и отправил на воспитание в Озёрный Луг, к своему родичу Редину Блойдеину, хотя в Эйвион как в заложнице и не было никакой надобности. Её отец не смог бы начать новую войну, даже если бы и захотел: насколько она знала, при штурме замка он получил тяжёлую рану, прямо в голову, и, прохворав долгое время, так и не оправился.

Один раз она подслушала разговор матушки Маргет с заезжим торговцем, и почему-то у Эйвион осталось ощущение, что речь шла о её отце. Тот торговец рассказывал, что ходит он с трудом, часто впадает в ярость и не узнаёт никого из окружающих.

У сира Редина Блойдеина был маленький замок из трёх покосившихся от времени башен, толстая сварливая жена, и дочь – чахоточного вида, с крысиным личиком, и таким же характером, заметно старше Эйвион. Сир Редин вскорости умер – на охоте его задрал медведь, – и Эйвион окончательно переселили в крохотную каморку к матушке Маргет. Блойдеины – и мать, и дочка, – Эйвион на дух не переносили, будучи твёрдо уверенными в том, что именно изувеченная фи-

зиония их гостыи отпугивает от них всех потенциальных женихов.

Тем временем вернулась Айрис со свёртком в руках. Вручив его своей бабке, она с оценивающим видом принялась ходить вокруг Эйвион.

– Красота, – наконец, изрекла Айрис, одобрительно прищёлкнув языком, и Эйвион решилась потрогать свою причёску. Судя по ощущениям, матушка Маргет сначала заплела две или три косы, а потом соорудила из них одну, очень мудрёную.

Старушка склонилась над столом, усердно орудуя ступкой, и вскоре повернулась к Эйвион, держа в руках глиняную плошку, из которой исходил приятный чуть пряный аромат.

– Вот, – сказала она, – намажься вся, в холстину завернись, и сиди, а как немного впитается, вытрем. Так кожа очистится, и сиять будет. – Маргет скользнула взглядом по лицу своей воспитанницы, подавив вздох. – По-хорошему, это на ночь надо было делать, но кто ж знал...

– Мне оставь немножко, – шепнула Айрис подруге.

Эйвион сидела не шевелясь и с интересом прислушиваясь к собственным ощущениям. Такого рецепта она пока не знала, хотя с превеликим тщанием перенимала у матушки Маргет её премудрости.

– Смотри и учись, – приговаривала обычно старушка, – в жизни пригодится. Ежели у кого чесотка случится, возьми девясил, уксус, ртуть и масло – какое захочешь, – и живот-

ный жир. Корень девясила очисти, мелко наруби и свари в уксусе. Как только будет вполне готов, перетри в ступке вместе с жиром, а затем добавь ртуть, разведённую в масле и уксусе, в котором варился девясил. Но тот, кто станет мазать себя этой мазью, пусть наберёт в рот холодной воды, а потом выплюнет, а не то зубы пострадают от ртути, которая может попасть всюду...¹

– А если у кого трещины на губах, то надобно взять и смешать в равных долях козье сало, гусиный жир и конскую пену, а ежели не поможет, пусть сначала натрёт зелёной айвой, и только потом наносит мазь...²

На улице начался дождь, и через распахнутые ставни ветер принялся швырять внутрь холодные капли. Матушка Маргет прикрыла окно, зажгла свечу, и вновь обратила своё внимание на содержимое сундука.

Спустя четверть часа она с торжественным видом извлекла на свет божий белое платье. У Эйвион, да и у Айрис, судя по её изумлённым глазам, захватило дух. Платье было с длинными рукавами, расширяющееся книзу, с роскошной красно-синей вышивкой по вороту и подолу.

– Тебе сейчас будет в самый раз, – сказала матушка Маргет и, помолчав немного, добавила: – Я в нём замуж выходила.

Платье оказалось немного жестким на ощупь, и с парой

¹ Из трактата «О лечении женщин», Корпус Тротулы, XII век.

² Фома из Кантимпрэ, «О природе вещей», XIII век.

желтоватых пятен, но, тем не менее, Эйвион сочла его неопи-
суемо прекрасным, в особенности по сравнению с той льня-
ной рубахой, что служила ей обычной одеждой. На лице Ай-
рис застыла плохо скрываемая зависть.

– Вот что, – начала она, но скрип двери прервал её тираду.

В образовавшуюся щёлку протиснулась голова Ивара, то-
го самого сына плотника. Его рот при виде Эйвион раскрыл-
ся сам собой.

– Ишь ты, – протянул Ивар, – прям невеста.

Щёки Эйвион зарделись.

– Её милость тебя кличет. Говорит – немедля, бегом, к
ней в опочивальню.

Глава 2. Чёрная дева

Эйвион прикрыла за собой дверь, тут же моргнув от капель дождя, брызнувших в лицо.

Каморка матушки Маргет находилась в подвале Восточной башни, самой старой из всех, и ныне использовавшейся под склады. Чтобы попасть в господские покои, требовалось пройти через весь двор замка – тесный, грязный, загромождённый беспорядочно лепившимися друг к другу хозяйственными постройками и жилищами челяди. Двор был замощён лишь частично, возле главной башни – самой новой и высокой. Судя по всему, в своё время булыжник просто выломали из мостовой, чтобы использовать его при постройке донжона.

Эйвион накинула на голову капюшон – ради такого случая матушка Маргет одолжила ей свой плащ, – и двинулась вперёд, старательно обходя глубокие лужи. Платье оказалось слегка коротковатым, едва доходило до щиколоток, но в этом глиняном месиве забрызгать его грязью было проще простого.

– Гляди-ка! Наша леди куда-то спешит!

Несколько вилланов, возившихся возле хлевов, отвлеклись от работы, увидев Эйвион. Среди них она заметила Кадела. Она запахнула плащ поплотнее, но белое платье с яркой вышивкой всё равно упрямо выглядывало наружу.

– Куда собралась, красотка?

– Неужто у дхаргов нынче свадьба?

Эйвион стиснула зубы. В их сторону она старательно не смотрела, но всё же споткнулась и шлёпнулась на четвереньки прямо в лужу, подняв тучу брызг. Слуги громко захохотали.

– Лучше о свиньях своих думайте! – раздался рядом звонкий от гнева голос Айрис. – Тебе-то, Кадел, уж точно только ихняя свадьба светит!

– Что ж ты... корявая-то какая... – уже тише добавила она, помогая Эйвион подняться. Лицо у той было в потёках воды. – Пойдём, отчистим как-нибудь.

Из глаз Эйвион брызнули слёзы. Нет, не из-за этих насмешек. Плащ, конечно, помог, но спереди на чудесном белом платье красовалось большое мокрое пятно.

Айрис, не церемонясь, потащила её за руку, и остановилась только тогда, когда за ними захлопнулась дверь главной башни. Здесь Эйвион бывала много раз: в холле, самом обширном помещении замка, хозяева время от времени устраивали пирушки по какому-нибудь праздничному поводу, собирая старейшин деревень и начальников отрядов, но сейчас тут было холодно и темно. В камине застыла недельной давности зола.

Покои госпожи Блойдеин располагались на втором этаже, но вот туда Эйвион никогда не приглашали.

– Пойдём, – ещё раз повторила Айрис, дёрнув подругу за

рукав, – наверху комната есть, там свечи и вода.

Бегом поднявшись по каменным ступеням, девушки нырнули в крохотную каморку, заставленную комодами и сундуками, меж которых примостился лежак. На столе стоял кувшин с водой.

– Это комната Бригит, горничной её милости. Стой смиренно и не мешай.

Айрис зажгла свечу, схватила кувшин и, опустившись на колени, принялась колдовать над платьем.

Эйвион застыла как изваяние, боясь вздохнуть. Прямо перед ней на стене висело зеркало: небольшой, локоть на поллоктя, отполированный кусок светлого металла.

Эйвион видела своё лицо не один раз, но отражения в воде дрожали, плыли и ускользали, превращая его из просто уродливого в нечеловечески безобразное.

Айрис... такая красавица. А у неё почти вся левая половина лица напоминала оплавленный жаром бугристый камень, один огромный шрам, растёкшийся в стороны отвратительными щупальцами. Нерешительно подняв руку, Эйвион прикрыла ладонью скулу и подбородок. Кожа справа была нежна и бархатиста, глаза прекрасны: большие, глубокого синего цвета; брови с изломом, а над ними – чистый высокий лоб.

Губы у Эйвион задрожали. Ей иногда казалось, что она давно всё выплакала, но в этот момент из глаз вновь готовы были брызнуть слёзы.

Айрис вскочила на ноги, отряхивая подол своего платья.

– Всё. Готово. Немножко мокро, но это ерунда. Идём.

Покои госпожи Блойдеин находились всего в десятке шагов от комнаты горничной. Из-за дверей слышались голоса, один – явно мужской.

Айрис легко пожала подруге руку.

– Не трусь. Потом расскажешь.

И, приоткрыв дверь, она втолкнула Эйвион внутрь.

* * *

Эйвион остановилась, потупив глаза.

В комнате находились двое: госпожа Блойдеин, расплывшаяся в кресле рядом с жарко полыхавшим камином, а перед ней, присев на краешек стола – мужчина в высоких сапогах и замызганном сером плаще.

Стол был заставлен яствами: блюдами с пахнущими приправами кусками мяса и пирогами; на круглых боках посеребрённого кувшина зайчиками плясало отражение пламени.

– Ты не торопилась, – недовольно заявила госпожа Блойдеин, скривив пухлые губы. – Подойди.

Эйвион сделала несколько робких шагов. Каменный пол здесь, как и в каморке матушки Маргет, был застелен, но не колючей грязной соломой, а свежими листьями и цветами.

– Подними голову.

Мужчина в плаще смотрел на неё внимательно. Его взгляд

чуть задержался на левой половине её лица, но Эйвион не заметила, чтобы что-то отразилось в его взоре. Лицо у него было сухощавым, с тонким орлиным носом и небольшим шрамом на правой скуле. А глаза – такие же синие и глубокие, как у неё. И совсем не злые.

– Берегли, как могли, сир Гарет, – сказала госпожа Блойд-деин; тон её голоса неуловимо изменился. Мужчина даже не посмотрел в её сторону. – Увы, исправить печати божьи не в наших силах, хоть и последние силы прилагали, чтоб лечить, кормить да одевать. Супруга моего чрезмерные заботы раньше времени в могилу свели. Мы люди небогатые, и надеюсь, что его милость лорд Марред будет оповещён о нашем усердии. А хорошо ли его милость поживает? Слыхали мы, что его сын до сих пор неженат. И я, и дочь моя Дилис были бы счастливы лично...

– Непременно будет оповещён, – прервал её сир Гарет. – Подойди ближе, дитя.

Рыцарь взял Эйвион за подбородок и с минуту вглядывался в её лицо, слегка поворачивая то вправо, то влево.

– Н-да. Была бы хороша...

Он отпустил девушку и плеснул в бокал вина.

– Ты помнишь своего отца, дитя?

Эйвион несмело кивнула.

– У тебя есть язык?

– Да, ваша милость.

Рыцарь кивнул в ответ.

– Тогда, надеюсь, боги даруют тебе мужество выслушать страшное известие. Сир Гарен, к нашему великому прискорбию, преставился месяц тому назад.

Сир Гарет отхлебнул из бокала, внимательно глядя на Эйвион. Она моргнула.

– Я давно не видела отца, ваша милость, – чуть дрогнувшим голом произнесла она.

– Понятно. Отныне ты, как единственная его наследница, являешься полноправной владелицей замка Ллир, а также госпожой Северных земель Носа Тролля.

Эйвион нерешительно подняла на него глаза.

– Я могу...

– Дослушай. – Рыцарь усмехнулся. – Нет, не можешь. До своего совершеннолетия либо замужества, в зависимости от того, что наступит ранее, ты находишься под опекой лорда Марреда, и я должен препроводить тебя в Керк для решения твоей судьбы.

Сир Гарет повернулся к госпоже Блойдеин.

– С вашего позволения я и мои люди останемся здесь до завтра. Дорога была утомительной. И я прошу вас распорядиться о том, чтобы к утру был подготовлен весь багаж юной госпожи Ллир.

Госпожа Блойдеин сглотнула.

– С рассветом я покину Озёрный Луг, – продолжил рыцарь. Вдруг он замолчал и, взяв Эйвион за руку, внимательно посмотрел на грязные полоски ногтей. – И – да, лорд Марред

будет оповещён о ваших заботах.

* * *

Дождь за ночь прошёл, и двор замка Озёрный Луг успел превратиться в грязное месиво. Слышался ленивый перестук молотков и лошадиное фырканье; из печных труб вились тоненькие дымки. Хорошая дюжина челяди – кузнецы, скорняки, прачки, кухарки и прочая дворня, пуская пар из ртов и ёжась от утренней сырости, под бдительным взглядом гостеприимной госпожи Блойдеин толпилась возле отъезжающих и предлагала свои услуги, с явно написанной на лицах надеждой, что помощь не потребуется.

Несколько пар девичьих глаз с плохо скрываемой завистью следили за сборами.

Лицо Айрис светилось от счастья. Она сидела на одной лошади с подругой, обняв её за талию, а матушка Маргет выглядывала из своей каморки, хмуро покачивая головой.

Судьба её внучки решилась за несколько минут. Сначала Айрис топталась неподалёку, среди остальных девушек, но в последний момент подскочила к Эйвион.

– Может, возьмёшь меня? Ну, скажи им... Что же мне – всю жизнь здесь торчать? Ну, Эйв...

Эйвион нерешительно взглянула на сира Гарета. Тот гарцевал на караковой масти жеребце, наблюдая за приготовлениями к отъезду. Рыцарь внимательно посмотрел на Айрис.

– Кто это?

– Моя подруга, – сказала Эйвион, – с детских лет дружим. Сир Гарет пожал плечами.

– Ехать нам около недели, и тебе может пригодиться женская помощь. Так что если госпожа Блойдеин не будет возражать...

Владелица Озёрного Луга вместе с дочерью стояли на ступеньках донжона. Дилис, сухопарая девица лет семнадцати с жидкими волосами, затянутая по такому случаю в чрезмерно узкое платье, ещё больше подчёркивавшее её худобу, смотрела на сира Гарета скорее с недовольством, а на Эйвион – с явной неприязнью.

Госпожа Блойдеин растянула губы в улыбке.

– Конечно. Одним бесполезным ртом будет меньше. Мы люди небогатые...

Сир Гарет холодно кивнул, и Айрис взвизгнула от восторга.

– Сейчас, сейчас, – дрогнувшим голосом пробормотала она и ринулась к Восточной башне. Спустя всего пару минут она примчалась обратно, сжимая в руках маленькую котомку.

– Вперёд, – скомандовал сир Гарет, и отряд потянулся через распахнутые ворота замка.

Проехав под низкими каменными сводами, Эйвион оглянулась. Ворота уже начали закрывать, а матушка Маргет, застыв у дверей своей каморки, всё смотрела им вслед.

Рядом с ней, чуть позади, привалившись к стене, стоял сын замкового плотника Ивар, приятель Эйвион и Айрис. Тщедушный невысокого роста мальчик лет тринадцати, с детства не отличавшийся крепким здоровьем. Вот и сейчас Ивар негромко покашливал, провожая взглядом отъезжающих. Глаза его были красны от лихорадки, и как будто на мокром месте, но он сдерживался.

– Как странно, – тихо сказал он, – воробьи сегодня так чирикают, точно весна наступает.

Маргет косо глянула в его сторону.

– Сейчас ко мне пойдём, отвару тебе дам. Не переживай, будет на то воля богов, ещё свидитесь, какие ваши годы. – Немного помолчав, она добавила, но уже полушёпотом и словно самой себе: – Да и кто знает... может, для тебя и лучше, что она уезжает...

И как только скрип ворот возвестил об окончании проводов, небо, вечным тёмным покрывалом висевшее над Озёрным Лугом, внезапно проредилось, брызнув на мокрую землю яркими солнечными лучами.

* * *

Под началом сира Гарета было десять человек – все на лошадях, в колетах из бычьей кожи с нашитыми металлическими бляхами, с мечами или короткими секирами. Эйвион и её подругу поместили в середину отряда.

Солдаты ехали, зорко посматривая по сторонам, особенно тогда, когда, миновав небольшой луг, оказались под сенью леса. Узкая тропинка петляла меж деревьев, кроны которых смыкались над головами. Осень здесь только готовилась вступить в свои права, и крошечные капли влаги сверкали на пока ещё зелёной листве. Путников встретило веселое щебетанье лесных пичужек.

– У лорда Марреда с твоим отцом давняя вражда была, – отвечая на вопрос Эйвион, говорил сир Гарет, – причём, в общем-то, из-за сущей ерунды. Ты, наверное, не помнишь, но те места, где стоит замок Ллир, суровы и бесплодны, народ в основном рыболовством пробавляется. Твой отец, лорд Тарен, не спрося у Марреда позволения, построил башню на берегу, милях в десяти от своего замка. Под маяк, а может, для охраны от разбойников. Земли там пустынные, но вроде как графству Корнин принадлежат, а Тарен-то был вассалом Марреда. Тот потребовал башню снести, а твой отец отказался. Тут и понеслось.

– Чем же мешала ему та башня?

– Может, ничем. А может, и всем. К югу от Носа Тролля много городов богатых: и Лимерик, и Гарвен – торговлю с Морским народом ведут, и старику Марреду того же хотелось. А это значит, что побережьем нельзя без спросу пользоваться – это право верховного сеньора. Место удобное, и он, может, хотел там порт построить.

Эйвион задумалась.

– А как же Керк? Он же, говорят, на самом море стоит?
Сир Гарет улыбнулся.

– Умная девочка. Но сразу видно, что ты в тех краях не бывала. Замок Керк на берегу, правда, но на скале высокой, и море вокруг бурное, так что для торговых судов никак не подходит.

Рыцарь посмотрел на Эйвион прищуренными глазами.

– Но на самом деле, думаю, дело в другом. Дочери лорда Тарена это можно сказать. Лет двадцать назад у них одна невеста на двоих была, Леа Морвэн.

Эйвион изумлённо распахнула глаза.

– Моя...

– Да. Твоя матушка. Этого-то старик Марред твоему отцу и не простил. Как и ей не простил, что она выбрала менее знатного. Я видел её один раз, ещё до твоего рождения. Глаза и брови у тебя – от неё.

Эйвион непроизвольно тронула левую щеку.

– Сир Гарет... могу я спросить?

– О чём?

– Некоторые солдаты на меня смотрят... Это правда так... страшно?

– Красивого мало. – Рыцарь задумался. – Для мужчины сойдёт. А для женщины... Знаешь ли ты про дочь Вила?

Эйвион отрицательно покачала головой.

– Знаю только, что Вил – это Тёмный бог. Там, на юге.

– Да. Здесь, на севере, свои легенды ходят, и народ им

больше верит. Я сам вообще из физов, а у нас совсем другие вышние. Но по ту сторону Тэлейт сказывают, что у Повелителя чудовищ есть дочь от земной женщины. Одна половина её человеческая, другая – отцова, безобразная. Долгие годы искала она суженого, а не найдя, обозлилась на весь род мужской, и теперь, говорят, бродит по земле в разных обличьях и вредит нам всеми силами. И все болезни, все несчастья у мужчин – от неё. – Чуть помолчав, сир Гарет закончил: – И говорят ещё, что её любовь несёт с собой смерть.

– Печать Вилова, – пробормотала Айрис. Всё это время она сидела в седле тихо, как мышка, – а я и не знала, что это такое. Просто слышала, что так говорят...

– Я – не она! – запальчиво возразила Эйвион.

– Я знаю, – успокаивающе произнёс сир Гарет. – Я вообще в эту Чёрную Деву не верю. Но скажи, дитя... я вижу, что говоришь ты правильно и знаешь то, чем обычно деревенщина не интересуется. Как так вышло?

– Это мастер Хаул, – просто ответила Эйвион, – лекарь в Озёрном Лугу. Он учил меня читать и рассказывал всякие вещи.

Рыцарь кивнул.

– Понятно. Но теперь, госпожа Ллир, – он шутливо поклонился, – я должен вас покинуть. Места здесь тёмные, так что к вечеру мы должны постараться достичь Белой башни.

Пришпорив коня, сир Гарет умчался вперед.

– Что это – Белая башня? – спросила Эйвион у солда-

та, что ехал чуть сзади. Посмотрела на него – и внутренне вздрогнула. Лицо у того было хмурое, и он неприязненно косился в её сторону. Солдат тут же отвёл глаза.

– Башня, как башня, – буркнул он, – брошенная. Но для ночёвки лучше, чем совсем ничего. Когда тут такое – жди беды.

Он придержал лошадь, отстав от девушек.

– Сам урод, – пробормотала Айрис. – Эйв, не обращай внимания.

Эйвион промолчала.

Дорога тем временем исчезла, растворившись среди густого подлеска и опавшей листвы, но отряд продолжал ехать на запад, хотя и медленнее, петляя между вековыми деревьями и перебираясь через овражки, во множестве попадавшиеся на пути.

По словам сира Гарета, из Озёрного Луга в Керк имелась куда более короткая и быстрая дорога: на северо-восток к реке Глинн, потом, вдоль побережья Глотки Тролля напрямую к цели их путешествия, однако некоторое время тому назад в устье Глинна обосновались морские разбойники, и дорога через те места стала небезопасной. «Отчего ж их не выгонят?» – поинтересовалась Эйвион, и рыцарь пояснил, что с суши подхода к устью реки нет, там сплошные болота, а военными кораблями лорд Керка не располагает.

– Однако ж эти воры как-то через топи перебираются, – задумчиво отметил сир Гарет, и закончил: – Так что прихо-

дится делать изрядный крюк, на запад к Дарму, потом на север и на восток.

Айрис ткнула Эйвион в бок.

– Слышала? К Дарму, откуда бабка моя родом.

Эйвион кивнула.

– А Дарм... там кто живёт ещё?

– Никого, – ответил рыцарь, – мёртвое селение, гнилое и дома без крыш. Что-то случилось в тех краях, уж с полсотни лет назад, а что – не знаю.

Глава 3. Белая башня

Белую башню они заметили уже к вечеру, когда лучи солнца, ставшие красными, едва пробивались сквозь густые переплетения ветвей.

Башня встала перед ними каменной громадой: без дорог, тропинок, окружённая вплотную подступавшим со всех сторон тёмным лесом; её стены почти доверху покрывал ковёр из ползучих растений.

– Почему же «белая»? – удивлённо спросила Айрис, и один из солдат, молодой, с чуть наметившейся бородкой, жизнерадостно откликнулся:

– А Вил её знает!

Эйвион вздрогнула.

– Наверное, – продолжил солдат, – из белого камня была, сейчас уж не разглядишь. Говорят, там дальше, за Дармом, каменоломни, так что этого добра здесь полно.

Латника звали Утер. Насвистывая под нос, он помог девушкам спуститься на землю, при этом подмигнув Айрис.

– Пока можно размять ноги, госпожа, – заявил он, едва уловимо поклонившись в сторону Эйвион, – сейчас там приберутся, а ваша горничная постель приготовит.

Айрис застыла, открыв рот, но ничего не сказала. Потом, неопределённо глянув на Эйвион, мотнула головой и направилась к входу в башню.

Вход обнаружился с другой стороны: каменный проём без двери, на высоте примерно человеческого роста; забраться внутрь можно было по приваленному стволу дерева.

Заметив вопросительный взгляд Эйвион, Утер пояснил:
– Это для защиты. Так врагам труднее залезть.

В башне царила промозглая сырость. Стены заросли мхом, а посередине виднелись остатки недавнего кострища. Наверх вели поднимавшиеся спиралью каменные ступени. Ни одной двери в башне не было: по всей видимости, они давно сгнили.

Комната на втором этаже также оказалась пуста, если не считать паучьих тенет и вороха лесного мусора. Айрис возилась в углу, наваливая кучу из веток и сухих листьев, которые ей тут же охапками передавали солдаты. Ещё один прямо на полу разводил костёр, оградив его несколькими камнями. Ничего похожего на очаг Эйвион тут не заметила.

– Вот, – сказала Айрис, усевшись на листья, – это – постель. Надеюсь только, что мы здесь не окоченеем до утра.

Солдаты ушли. В лесу быстро темнело, и отверстия узких бойниц из глубоко-синих превратились в чёрные. Эйвион и Айрис сидели рядышком молча, и лишь время от времени по очереди подбрасывали в костёр новую хворостину. Снизу слышался грубоватый смех и лязг оружия; до девушек донёсся запах жареного бекона, а вскоре появился сир Гарет с двумя дымящимися кусками мяса на листе лопуха, и небольшой флягой. Обойдя огонь, он уселся прямо на каменный

пол, скрестив ноги.

– Это – *арак*, – пояснил он, протянув флягу Эйвион. – Из сока пальмы. У нас такое не делают. Осторожно – крепкий.

Эйвион сделала маленький глоток и закашлялась; из глаз выступили слёзы. Она никогда не пила ничего крепче сидра. Подумала немного – и отхлебнула ещё: арак был сладковатый на вкус, а по всему телу растеклось приятное тепло.

– Сир Гарет, – сказала она, чуть запнувшись – язык тут же принялся заплетаться, – расскажите о моей матери...

Рыцарь сидел, привалившись к стене, и смотрел в костёр.

– Леа Морвэн... Он пожал плечами. – Я мало знаю о ней. Она была удивительной красавицей. Говорят, твой отец, лорд Тарен, завоевал её на турнире в Морхолле. Я был там, совсем юнцом. Там присутствовал граф Морвэн и, выпив лишнего, он пообещал руку своей младшей дочери победителю.

– Младшей? Значит, была и старшая?

– Была. Но уже тоже умерла. Если не ошибаюсь, её выдали замуж за лорда Эри, это далеко, на юге, а вскоре в тех краях случилась чума. Так вот: в тот день бились сир Тарен и сам Марред. Они сломали по двое копий, а потом продолжили сражаться на мечах, но ни один из них не смог одержать верх. Граф Морвэн, наверное, уже жалел о своей затее, но, как говорят, слово – не воробей, и он был вынужден предоставить дочери право выбора, а Леа надела венок на голову твоего отца.

– Почему? Ведь лорд Марред знатнее?

Сир Гарет усмехнулся, подавив зевок.

– Кто же вас, женщин, поймёт...

– А нынешний граф Морвэн, получается, мой двоюродный брат?

– Получается, так... – Рыцарь встал. – С вашего позволения, я буду ночевать здесь, у входа.

Не дожидаясь ответа, он вышел и, завернувшись в плащ, растянулся на полу, перегородив дверной проём. Почти сразу же до девушек донёсся его негромкий храп.

– Ну, надо же, – пробормотала Айрис. Её глаза тоже слипались. – Ты и правда... того... знатная.

– А какой толк?

Внизу кто-то тихо запел. Голос эхом отражался от каменных стен. Эйвион знала эту песню. Там говорилось об одном рыцаре, которого уродливая дочь тролля пыталась соблазнить богатствами.

*Но рыцарь рек надменно: «Ступай с дарами прочь –
Богами ты проклята навечно.*

*Тебе не искусить меня, троллина дочь,
Ведь вера моя безупречна...³*

Эйвион сидела, как каменная. Красные отблески затухавших головёшек плясали на её лице, превращая его в двули-

³ По мотивам средневековой норвежской баллады «Herr Mannelig».

кую маску.

– Я не хочу туда ехать, – прошептала она сквозь зубы.

Айрис успокаивающе положила руку ей на плечо.

– А куда хочешь? – тихо спросила она. – Обратнo к госпоже Блойдеин? Тебя никто не спрашивает. Говорю – не обращай внима...

Какой-то звук заставил её замолчать. И не только её. Песня внизу внезапно оборвалась, затих и солдатский говор. Сир Гарет, проснувшись, сел на полу.

– Тихо, – сказал он.

Звук был... не лесной. Он походил на тихий шелест, внутри которого слышались голоса. Десятки и сотни невнятно бормочущих голосов. Громко, с леденящим свистом что-то пролетело мимо бойницы, и исчезло в ночном небе. Шелест усилился вновь, накатывая и отступая подобно волнам. Внизу дико заржали лошади.

Айрис дрожала с головы до ног.

– Это *шали*, – пробормотала она.

– Кто? – спросил сир Гарет. Он вскочил на ноги, и в его руке тускло блеснул меч.

– *Шали*. Не люди. Бабушка Маргет рассказывала. – У Айрис зуб на зуб не попадал. – Здесь не спрятаться, надо бежать...

Рыцарь внимательно посмотрел на девушек – они стояли, прижавшись друг к другу, – и кивнул.

– Хорошо. Вниз, тихо.

Все солдаты, с оружием наизготовку, замерли в напряжённых позах, некоторые посередине помещения, выставив перед собой короткие копыя, другие – прижавшись к стенам. Глаза их были устремлены на чёрный прямоугольник дверного проёма.

– Алун? – негромко произнёс сир Гарет.

Один из латников, немолодой мужчина с пучком волос, торчавшим из гладко выбритого черепа, взглянул на командира.

– Вил его знает, – с хрипотцой сказал он. – Там, за деревьями, что-то есть. Не зверь. Или зверь, но такой, какого я не видывал.

– Он не один, – добавил другой солдат, – их много. Шевелятся и урчат.

Рыцарь на несколько мгновений задумался.

– Ифор, Мадок! Проверьте, что там с лошадьми. Лучникам приготовиться.

Те двое, перехватив покрепче рукояти секир и едва дыша, медленно направились к выходу. Один из них поднял смолистую ветку и поджёг её. Вспыхнувшее пламя ярко осветило его сосредоточенное лицо.

Лицо – и длинную когтистую лапу, стремительно просунувшуюся из темноты в узкое отверстие бойницы. Девушки завизжали.

Лапа обхватила солдата за голову, со страшной силой дёрнула. Его тело, трепыхаясь, застряло меж камней; он бес-

порядочно сучил ногами и руками. Кто-то закричал; кто-то схватил его за ноги, стараясь втянуть обратно. Снаружи слышался дикий клёкот.

Мгновение – и солдат мешком упал на пол, заливая всё кровью. Головы у него не было.

– От двери, бойниц отойти! – рявкнул сир Гарет. – Костёр перед входом, живо! Алун, Мадок, следить за дверью!

Не церемонясь, он оттолкнул девушек к глухому участку стены. Солдаты засуетились.

Через минуту у входа полыхал огонь; солдаты встали кругом, спина к спине, стараясь не упускать из виду чёрные дыры двери и амбразур.

– Где Тидвил? – спросил рыцарь. – Кто видел его в последний раз?

Наёмники переглянулись.

– Он ближе всех к выходу стоял, когда всё началось, – проворкотал кто-то. Сир Гарет выругался.

– Ну-ка, – сказал он.

Рыцарь взял лук у одного из солдат и, запалив стрелу, выпустил её в черноту леса. Стрела щёлкнула, вонзившись в ствол дерева, и на минуту осветила небольшое пространство вокруг. Тишина, едва нарушаемая лёгким ночным ветерком и шелестом листвы.

– Ушли, кажись, – выдохнул Алун.

– Тихо.

Ещё на добрые четверть часа все замерли, сдерживая ды-

хание и вслушиваясь в лесной шёпот.

Сир Гарет поднял с пола чей-то плащ и накрыл обезглавленное тело. Потом обернулся к девушкам. Всё это время они стояли ни живы, ни мертвы.

– Как ты сказала? – спросил рыцарь. – *Шали*? Так это случилось с Дармом?

Айрис судорожно мотнула головой.

– Не *шали* это, – сказал Алун, – я слышал про этих тварей. Это – гархи. А *шалей* не видно и не слышно, и рук-ног у них нет. И *шалям* плевать, есть костёр или нет.

– *Шалей* видно, – возразил ему кто-то, – они как медузы морские, летают только.

– Сам видел, чтоль?

– Рассказывали...

– Это всё она! Она их с собой привела! – вдруг хрипло выкрикнул один из солдат, тот самый, у которого Эйвион спрашивала про Белую Башню. Его лицо было перекошено страхом и ненавистью. Он выхватил меч. – Порешить Чёрную ведьму!

Эйвион вжалась в стену. А потом – она едва успела заметить, что произошло. Сир Гарет шевельнул кистью, и тот солдат свалился на пол, булькая кровью из распоротого горла. В руке рыцарь держал длинный тонкий кинжал.

– Кто-нибудь ещё хочет нарушить клятву?

Солдаты молчали, хмуро косясь на дёргающееся тело.

– До утра никому не спать. Уходим с рассветом.

Едва небо начало светлеть, они вышли наружу. Никаких следов Тидвила так и не обнаружилось. На скорую руку солдаты выкопали неглубокую яму, куда сложили тела погибших; голову несчастного Ифора также не нашли, только под бойницей стена и жухлая трава были забрызганы кровью. Могилу забросали землёй, ветками и листвой. Сир Гарет не торопил своих людей, но они и без того работали быстро и молча.

Лошадей осталось всего четыре. «И это неплохо, – мрачно заметил рыцарь, – можно будет по очереди ехать». Другие животные пропали без следа – только оборванные поводья да изрытая копытами земля указывала на то место, где их оставили прошлым вечером.

– Гархи – они здоровенные, – хмуро пояснил Алун. Из всех солдат он был самым старым и, судя по всему, опытным. – Я когда мальцом был, в Тор Брине убили одну такую тварь. Крылья – футов по десять, не меньше, лапы с когтями. И летают так быстро – что твои пчёлы. Вжик – и нет человека.

– Чего ж не всех лошадей утащили? – поинтересовался Утер, тот самый юноша с едва пробивавшейся бородкой.

– Кто их знает. Может, не их это земля, случайно мимо пролетали. Да и так – двенадцать скакунов было, осталось

четыре. Думаю, только из-за этого нас и не тронули. Восьми лошадей на закуску им хватило.

– А как убили-то? Того, в Тор Брине? Значит, не такие быстрые, – рассудительно заметил другой солдат – Мадок, насколько запомнила Эйвион.

– Быстрее не бывает. Ты хоть заметил, как эта тварь Тидвила утащила? Он даже крикнуть не успел. А в Тор Брине случайно вышло. Там сети рыболовные были развешаны, гарх в них запутался, а тут и народ подвалил, с топорами да косами.

Отряд скорым шагом передвигался по лесу. Сир Гарет решил срезать дорогу и направиться прямо на север, оставив Дарм в стороне: так получалось и короче, и безопаснее. После ночных событий никто из путников не горел желанием оказаться вблизи от мёртвой деревни, которая, судя по слухам, погибла из-за нашествия подобных же тварей. Слава богам, идти оказалось не трудно: по небольшим овражкам, среди высоченных сосен, вздымавшихся к небу. Толстый мягкий слой хвои устилал землю.

Сир Гарет хотел посадить Эйвион и Айрис на разных лошадей, но девушки не согласились. Айрис пристроилась позади подруги, клевала носом и, время от времени вздрагивая, просыпалась.

К середине дня лес кончился, плавно перейдя в подлесок из рябины и можжевельника. Перед путниками открылось обширное плато с синевшими далеко на севере вершинами

гор. Свинцовые облака низко висели над головой, и сильный ветер волновал заросли вереска.

– Дармская пустошь, – пояснил сир Гарет. – Впереди, милях в двадцати, селение Бринмор. Его лорд, сир Краген – графский *сотрапезник*. Он не откажет нам в крове и лошадях, а там уже прямая дорога в Керк.

Глава 4. Керк

Отряд остановился на вершине холма.

Не более часа назад путники миновали первую сторожевую башню с полудюжиной солдат; по словам сира Гарета, до Керка оставалось около двух миль. Всего таких башен оказалось три штуки, и «это только на этой дороге, – пояснил рыцарь Эйвион. – Всего на подходах к замку их больше десятка». На вершине каждой башни имелась площадка с заранее приготовленным штабелем хвороста, который надлежало зажечь в случае опасности. Отряд сира Гарета, впрочем, пропускали беспрепятственно – рыцаря хорошо знали в каждой из башен.

Ветер дул с такой силой, что полы плащей хлопали, а лошади отворачивали морды и глухо ржали; на лицах людей застывали капли солёной влаги. Эйвион облизала губы. Такого вкуса она ещё никогда не ощущала, а оказавшись вслед за сиром Гаретом на взгорке, она судорожно вздохнула, то ли от порыва ветра, то ли поражённая открывшейся картиной.

Там был океан.

Огромный, насколько хватало взгляда, сливавшийся на горизонте с тёмно-серым небом, холодный, усыпанный мириадами белых барашков, с ураганной скоростью несущихся к изломанным берегам. Сотни чаек, надрывно крича, вились над бушующими волнами.

– Море Арит, – чуть не в ухо гаркнул Утер, поведя рукой. – Смотрите туда, госпожа.

В сгущающихся сумерках Эйвион не сразу увидела то, на что он указывал. Чуть правее, на обрыве, высился замок, который она поначалу приняла за вершину одной из многочисленных скал.

– Керк.

Замок был мрачен. С седыми покрытыми соляными наростами стенами и чёрными башнями, напоминавшими обломанные зубы морского дракона.

– Вперёд, – скомандовал сир Гарет.

Лошадей они вели за поводья. Вниз шла узкая тропка, петлявшая между валунов и колючего кустарника; оказываясь в очередном овражке, Эйвион с облегчением переводила дух – в низинах ветер был не настолько зол. В воздухе висела густая морось.

– Здесь всегда так... неудобно? – спросила она Утера.

– Нет, – помотал тот головой и, чуть подумав, добавил: – Но частенько. Просто сейчас штормит немного. Зато в Керке – огонь и брага. Скоро доберёмся.

Тем временем уже совсем стемнело. К замку тянулся каменный мост, обрывавшийся в пропасть в двадцати шагах от ворот; железный фонарь на столбе со страшным скрипом раскачивался, мотая взад и вперёд жёлтое пятнышко света. Стражник в длинном кожаном насквозь просоленном плаще дёрнулся, заметив гостей, но, видимо, узнал сира Гарета. Не

сказав ни слова, он сделал шаг в сторону, освободив проход, и одновременно два раза дунул в рог, подавая сигнал, чтобы спустили подъёмный мост.

– Лорд Марред? – коротко спросил рыцарь.

– Он ждёт вас. Ещё вчера ждал.

Сир Гарет махнул рукой. Копыта лошадей зацокали по мокрым камням. Ветер толкал в пропасть, туда, где глубоко внизу, в чёрной пустоте, ревел прибой.

Эйвион вздохнула с облегчением, оказавшись под сводами башни. Её шерстяной плащ насквозь промок. Следом, стуча зубами от холода, и уцепившись за её руку, тащилась Айрис.

Сир Гарет обернулся к девушкам.

– Эйвион, иди за мной. Обсохнешь и согреешься потом – лорд Марред не отличается терпеливостью.

Айрис топталась рядом, растерянно переводя взгляд с него на свою подругу.

– Алун! – позвал рыцарь. – Ты знаешь, что делать. Её, – он указал на Айрис, – пока отправь на кухню.

С этими словами рыцарь вновь нырнул в пелену дождя.

Эйвион ожидала увидеть что-то похожее на Озёрный Луг, но внутренний двор замка Керк оказался намного больше и не в пример чище: целиком замощённый, каменными здесь были даже дома челяди. На вбитых в стены крюках болтались фонари, в которых за полупрозрачными пластинками слюды бились язычки пламени.

– Железные фонари, – пробормотала она, – это очень дорого.

Рыцарь пожал плечами.

– Обычные факелы здесь просто гаснут.

Двор был пуст – наверное, из-за непогоды, решила Эйвион, – только у дверей главной башни стояли двое стражников, одетых в такие же длинные кожаные накидки, как и их товарищ у моста. Вода текла с них потоками. Вслед за своим провожатым Эйвион остановилась, глубоко натянув на голову капюшон.

– Сир Гарет! – произнёс один из солдат, кивнув в качестве приветствия. – Давненько не видел вас. Кого привели?

– Госпожа Эйвион Ллир. Его милость граф Корнин ждёт её.

– Позвольте...

Стражник протянул руку и слегка откинул край капюшона Эйвион. Тотчас отдёргнул пальцы.

– О, боги... печать.

Сир Гарет фыркнул.

– Ты слишком суверен, Овейн. Просто ожог. Где лорд Марред?

– Не знаю. – Овейн торопливо вытирал руку о свой плащ. – Сейчас время ужина.

Рыцарь толкнул створку двери, сделав Эйвион знак следовать за ним.

Они прошли через залу, настолько высокую, что капите-

ли колонн, поддерживавших своды, терялись во мраке. Здесь было темно, только мерцающие огни двух факелов у дальней стены освещали небольшую дверцу. Сир Гарет торжественно стукнул в неё три раза и, не дожидаясь ответа, вошёл.

Эйвион остановилась, ослеплённая ярким светом, брызнувшим из-за двери. Там полыхал огромный очаг, а в дополнение к нему – не меньше дюжины светильников в кованых треногах. За столом, таким длинным, что здесь хватило бы места для полусотни гостей, спиной к камину сидел человек, а стол перед ним был заставлен добрым десятком блюд.

У Эйвион запершило в горле: она не ела ничего с самого утра, но если б ей сейчас предложили что-нибудь, она, наверное, не смогла бы проглотить и кусочка.

– Сир Гарет! – сказал человек за столом. – Как вижу, ты справился с поручением.

Его голос звучал так, словно его оставили в коптильне на пару месяцев, а потом, достав, проехали по нему пилой.

Рыцарь слегка наклонил голову.

– Оно было нетрудным, сир. Однако ж, я потерял двух человек.

– Вот как? – проскрипел граф. – В этом причина задержки? Надеюсь, дело не в лорде Морвэне?

– Нет, сир.

– Хорошо. С юга приходят всё более тревожные вести. Говорят, король Лотар при смерти.

– Я слышал, его сыновья не очень ладят друг с другом...

– Хех! – фыркнул граф. – Как все сыновья. Благодарение богам, у меня всего один. Главное, чтобы до нас не докатилось. Но об этом потом. Подойди, дитя.

Эйвион вздрогнула. Чуть замешкавшись, она сделала несколько шагов вперёд, только сейчас заметив двух слуг, которые подобно каменным изваяниям застыли по бокам комнаты.

– Ближе, – просипел сир Марред, – иними плащ.

Вблизи он выглядел ещё более страшно, чем это показалось Эйвион в неровном свете огней. Лицо графа до такой степени было изборождено морщинами, что на нём не нашлось бы ровного кусочка кожи размером с большой ноготь, нос крючком нависал над тонкими хищно сжатыми губами, бесцветные от старости волосы падали на плечи жидкими прядями.

Эйвион неловко скинула плащ; он мокрой тряпкой упал к её ногам. Похожие на маленькие буры глазки сира Марреда оцупали её с головы до ног, лишь на мгновение задержавшись на лице.

– Да ты, смотрю, совсем выросла. Сколько тебе лет?

– Я... не знаю, – растерянно пробормотала Эйвион.

– Хм. – Граф откинулся на спинку стула. – Вижу, в Озёрном Лугу славно потрудились над твоим воспитанием. Что – Беатрис Блойдеин всё такая же толстая тупая дура?

Сир Гарет прокашлялся.

– Э-э. Время не властно над её милостью.

– Ха! – Старик развеселился. – Надо запомнить эту фразу. Так... дайте подумать.

Он поднял глаза к потолку; морщинистая кожа на его шее вытянулась, обратившись в сухой пергамент. Он вновь посмотрел на Эйвион.

– Полагаю, – наконец произнёс граф, – лет тринадцать. Или четырнадцать. Как думаешь, Гарет?

– Около того, сир.

– У тебя уже была кровь?

Лицо Эйвион вспыхнуло.

– Нет, господин.

– Хм. Ну, думаю, до этого недалеко. Статная девица.

Марред поднялся со стула; тут же подскочил один из слуг и услужливо накинул на его плечи подбитый мехом плащ. Медленно, как старый ворон, граф обошёл вокруг Эйвион, склонив голову набок, и неожиданно ущипнул её за зад. Эйвион дёрнулась.

– Хороша, цыпочка. Только рожей не вышла. А жаль. Северный Берег надо бы за нами закрепить. Но ладно, найдём женишка. Об этом ещё будет время подумать... – Он повернулся к рыцарю. – Вот что, Гарет... два дня на отдых, а потом ты сопроводишь её в Ллир.

Рыцарь поклонился.

– Как будет угодно вашей милости.

– Погоди, это ещё не всё. Ты останешься там на некоторое время. Полагаю, что юная госпожа Эйвион не особенно обу-

чена премудростям правления, а ты один из немногих, кому я могу доверять...

Рыцарь поклонился ещё раз.

– Но и это не всё... – лорд Марред вдруг растянул бескровные губы в странной улыбке. – Гарет, у меня есть драгг...

– Корабль? – изумился сир Гарет.

– Даже два. – Граф с сухим шелестом потёр ладони друг о друга. – Тот, что строят в Мирне, никак не доделают, болваны. Я купил их у Ирк'лаала.

– Откуда у Морского народа драгги?

– Да какая мне разница! Может, украли у нордмонтцев. Главное, что задёшево. Точнее, треть денег отдал, остальное в рассрочку.

– *Аркины* продали что-то в рассрочку? – ещё больше изумился сир Гарет.

– Ну... я не такой дурак, как выгляжу. Так вот: мы опробуем их. У меня уже руки чешутся.

– Как?

– По пути в Ллир ты сделаешь крюк, и выбьешь тех разбойников из устья Глинна. Я хочу, чтобы ты сжёг их крепость дотла.

– Да, ваша милость.

Сир Марред удовлетворённо кивнул.

– А сейчас можешь отдыхать. Девицу отдай Ингунде, пусть вымоет её да причешет. А то экая замарашка. И по-

ищет, что ей надеть вместо этой тряпки. Пусть пороется в сундуках Мейнир, скажи – я разрешил.

Граф махнул рукой, давая понять, что разговор окончен. На Эйвион он больше даже не взглянул.

* * *

Рыцарь шагал быстро; Эйвион едва за ним поспевала.

Она уже запуталась в хитросплетениях коридоров. После Озёрного Луга, бывшего просто резиденцией сельского лендлорда, Керк её потряс. Может, конечно, где-то есть замки больше и красивее, – лекарь Хаул, учивший её грамоте, рассказывал о таких, – но сейчас Эйвион верилось в это с трудом. Она не успела хорошенько рассмотреть замок снаружи – помешали ветер, дождь и темнота, – но внутри он показался ей огромным: с узкими лестницами, ведущими с этажа на этаж, бесконечными анфиладами переходов, мрачными высокими залами и чёрными дырами каминов таких размеров, что туда с лёгкостью поместилось бы целое дерево. И – камень, кругом камень. Стены настолько толстые, что ей понадобилось бы пролезть в бойницу целиком, чтобы выглянуть наружу.

Бойницы были без ставней, и завывающий ветер зашвыривал внутрь каскады ледяных брызг; девушка каждый раз ёжилась, проходя мимо. Она прихватила из столовой графа Марреда свой плащ, но он был такой мокрый, что Эйвион не

решилась надеть его вновь.

Сумбурные мысли бились в её голове.

Она – госпожа Ллир, владелица Северного Берега. Непонятно, удивительно и страшно. Нет, Эйвион с детства знала о своём замке, но в её воображении Ллир представлял не имеющим к ней непосредственного отношения, чем-то далёким и почти сказочным. И скоро она его увидит, а там кто-то живёт, и у неё будут слуги, которым она должна будет приказывать. Она такая молодая, ничего не умеет. А как они её встретят, с её-то лицом? Это пугало её невообразимо, до такой степени, что в животе сделалось тяжело. Ллир, конечно, меньше, чем Керк. И, наверное, там так же холодно, как здесь, волны и чайки. Лорд Марред такой страшный. Она никогда не плавала на кораблях. Слава богам, сир Гарет поедет с ней. Он большой, надёжный, и видно, что хорошо к ней относится. Как отец. Нет, для отца он слишком молод, скорее, как старший брат. И лицо у него благородное, не то, что у графа: худощавое, ну, может, слишком суровое, и глаза точь-в-точь как у неё, тёмно-синие. Красивое лицо, мужественное. Наверное, его жена счастлива иметь такого супруга.

Надо же – он ни разу за неделю путешествия ни слова не сказал про её лицо, даже наоборот: когда Эйвион встречала его взгляд, он всегда был добрым и... как бы это сказать – взглядом защитника.

Ступеньки стали узкие и покатые настолько, что Эйвион пару раз поскользнулась, налетая на сира Гарета. Он взял её

за руку. Ладонь у него была крепкая и тёплая. Такая... надёжная. Какая должна быть у мужчины. Я бы стала его женой, вдруг подумала Эйвион, тут же смутившись собственным мыслям.

Она давно уже знала, чем занимаются мужчины и женщины, оставаясь наедине. Как-то раз, поздно вечером в Озёрном Лугу, когда матушка Маргет уже спала, Айрис, заговорщически подмигивая, позвала Эйвион за собой. Они, на цыпочках выйдя из дома, ринулись к хижине замкового плотника Нудда, который женился за неделю до того. Там, за плохо пригнанными досками ставней, полыхал очаг, бросая на стены красные отблески. Напряжённые мужские ягодицы, подрагивающие от резких движений груди и сладкие женские стоны.

Эйвион догадалась, что они делали: она уж сто раз водила на случку коз и коров, но это было новое, интересное и, наверное, запретное.

Молодая жена Нудда кричала очень громко, так, что он иногда зажимал ей рот рукой. А потом они увидели, как она опустилась на колени, – Нудд стоял спиной к окну, – и быстро-быстро задвигала головой.

– Фу, какая гадость, – сказала Айрис, поджав губы. – Хватит, пойдём.

Но Эйвион не ушла. Со странным томлением, перемешанным со стыдом, замирая при мысли о том, что её застанут за таким неприличным занятием, она досмотрела всё до конца.

Сир Гарет остановился перед какой-то дверью, и Эйвион опять налетела на него, уткнувшись носом в его плечо.

– Сир Гарет, а у вас есть жена? – выдала она, тут же до боли прикусив губу. Слава богам, здесь было темно: Эйвион чувствовала, что её лицо покраснело, как панцирь у варёного рака.

– Что?

Он повернулся к Эйвион.

Коридор был узким, с крутой лестницей и факелом где-то за поворотом. То ли от сквозняка, то ли по другой причине пламя ярко вспыхнуло, неровным бликом осветив лицо рыцаря.

У Эйвион перехватило дух. Отблеск пополз по его щеке бугристыми красно-чёрными щупальцами, на долю мгновения превратив лицо в наполовину обезображенную маску.

– Эйвион, что с тобой, девочка?

Она судорожно сглотнула.

– Нет, ничего. Просто показалось.

– Что ты спросила?

– Я... сир Гарет, а кто такая Мейнир?

– Покойная супруга его милости. Вот что, – он взял Эйвион за плечи, – как зайдёшь, садись, по сторонам не глазей, сиди прямо, много не болтай.

– А что там?

– Нижний зал. Сейчас там народ толпится, ужинает, пусть видит, что госпожа пришла. Какая ни есть, а госпожа. И не

бойся ничего. Поняла? А я скоро приду. Надо найти Ингунду, это здешняя домоправительница.

Эйвион кивнула, судорожно сглотнув.

Рыцарь распахнул дверь, и Эйвион, выпятив грудь и аккуратно подобрав пальчиками подол платья – так всегда делала Дилис Блойдеин, – прошествовала внутрь.

Глава 5. Новый подданный

Зала пахнула на неё теплом, чадом жареной рыбы и тысячью других ароматов. Вдоль одной из стен тянулся стол, заставленный огромными деревянными блюдами с пирогами, зеленью и кусками снеди; над плошками с бобовой кашей вился дымок. Прокопчённые дубовые балки нависали над головой, очаг полыхал жаром.

Здесь правда было людно: не меньше двух десятков дворни сидели, стояли, говорили и смеялись, ели и пили, и поначалу только некоторые из них – те, что находились ближе к двери, – обратили внимание на гостью. Посмотрев, застыли. Кое-кто – даже не донеся еду до рта.

– Доброго вечера, – пробормотала Эйвион, и уселась на краешек длинной скамьи – так, чтобы оказаться к собравшимся правым боком. Её голос потонул в общем гаме, но в скором времени все заметили новоприбывшую – многие, бросая на неё косые взгляды, тихо переговаривались.

Перед Эйвион возникла необъятных размеров фигура в переднике, сплошь в жирных пятнах. Женщина, оперев руки в бока, грозно оглядела слуг.

– Чего уставились, бездельники? – И уже тише добавила: – Сейчас, девочка, скажу, принесут, что перекусить.

Она ушла вразвалочку. Эйвион дрожала, как натянутая струна. Печать Вилова, печать Вилова – билось в её голове.

О, праматерь Боанн, лучше бы она не уезжала из Озёрного Луга. Она сидела, боясь поднять глаза. Доски стола были тёмными, в несмываемых разводах от пролитого вина.

– Ишь ты, какая красotka!

Эйвион вздрогнула, глянув. Перед ней сидел человек – такой странный, что она оторопела. Настолько маленький, что из-под столешницы виднелась только его голова, а руки он положил перед собой, высоко задрвав плечи.

«Карлик», – подумала Эйвион. Она никогда не видела карликов. С несоразмерно большой головой, крупным, выдающимся вперёд лбом, вдавленным носом и вывернутыми наружу толстыми губами. Руки у него были длинные и, похоже, когда он стоял, доставали до колен.

– Что, Данбур, нашёл подружку себе под стать? – насмешливо крикнул кто-то.

Маленький человек презрительно повёл плечом.

– Тебе, Мадог, и такую за счастье заиметь, – фыркнул он. – На твою кочерыжку разве что мыши клюнут.

Ответом был громкий хохот. Сальная шутка карлика заметно разрядила обстановку: челядь вернулась к еде и пиву.

– Моё имя – Корах, – буркнул он.

Эйвион робко взглянула на него.

– Тот человек назвал вас Данбуром.

– «Дан бур» значит «под столом». Если хочешь, можешь называть меня и так.

– Я поняла, сир Корах.

– Какой я тебе сир?! Ну-ка, закрой слева ладонью.

Эйвион подняла было руку, но тут же положила её обратно на колени.

– Не буду, – сказала она.

– Хм, – фыркнул карлик, – ну и ладно. Я и так вижу, что красotka. Полкрасотки. Это как же тебя угораздило?

– Пожар, – сказала Эйвион, – давно, в детстве.

Корах кивнул.

– Я так и подумал. А то тут один болван, из тех, что тебя привезли, уже уши всем прожужжал про ведьм всяких, да про чудовищ.

– Чудовища бывают.

– Да ну?

– Правда.

Карлик глянул на неё исподлобья.

– И Чёрная Дева бывает? – спросил он без тени ухмылки.

Эйвион поджала губы.

– Ну, ладно, – миролюбиво сказал он. – Я иногда бываю зол. И с маленькими девочками не часто общаюсь.

– Я не маленькая.

Карлик фыркнул.

– Я заметил. Ещё годик – и это платье у тебя на груди лопнет. Тс-с... – тут же добавил он. – Не обижайся. Расскажешь как-нибудь... про чудовищ.

– Хорошо. – Эйвион решила не обижаться и, чуть помолчав, спросила: – А кем вы здесь служите?

– Никем. – Карлик пожал плечами. – Я был любимой игрушкой её светлости Мейнир, но старушка год назад отбросила копыта. А старик Марред меня на дух не переносит.

– Почему?

– Потому что он уродливей меня. – Корах ухмыльнулся. – Так что теперь я не при делах. А ты, говорят, дочка Тарена Ллира? Я его знал.

– Знали? Расскажите мне как-нибудь про него?

– Разумеется. Ты – мне, я – тебе.

Возле стола появилась Айрис, слегка растрёпанная и запыхавшаяся. В руках она держала две плоски – с кашей и куском пирога.

– Вот те раз! – Корах вздёрнул брови. – Ещё одна девица. Целая. Итого – два с половиной человека необычайной красоты.

Он слез со скамьи и, не попрощавшись, ушёл. Ноги у него были короткие и кривые.

– Кто это? – спросила Айрис, проводив его неприязненным взглядом.

– Его зовут Корах, – сказала Эйвион и, подумав, добавила: – И он не злой.

– По виду не скажешь. Похож на *дверга*. Рассказывай, где была.

Торопливо глотая кусок за куском, Эйвион в нескольких словах поведала о лорде Марреде и о том, что через два дня она поплывёт с сиром Гаретом в Ллир.

– А по дороге – это его милость приказал, – надо будет победить разбойников в Глотке Тролля. Помнишь, сир Гарет о них говорил?

Айрис слушала, открыв рот.

– Ух ты, сплошные приключения, – пробормотала она, но больше сказать ничего не успела.

Перед девушками стоял сир Гарет, а чуть позади него – высокая женщина с суровыми чертами лица. Волосы у неё были забраны под белоснежный чепец.

– Госпожа Ллир, – произнёс рыцарь, – это Ингунда. Она покажет вам вашу комнату.

Ингунда приветствовала Эйвион лёгким наклоном головы.

– Прошу следовать за мной.

Комната оказалась в одной из башен Керка, так высоко, что Эйвион даже чуть запыхалась карабкаться по крутой лестнице.

– Сюда, – сказала Ингунда, толкнув небольшую дверь, всю в оковках. – Камин уже зажгли, так что не замёрзнете.

Эйвион вошла – и обомлела. Рядом с ней стояла Айрис, тоже раскрыв рот от изумления.

Стены комнаты до высоты человеческого роста были обшиты резными деревянными панелями, тёмными от времени; на красно-жёлтых гобеленах скакали в бой рыцари; в шкафу поблёскивала серебряная с виду посуда, а на столе замысловатым деревом высился огромный канделябр с по-

лудюжиной свечей. Два кресла с подушками, а в дальнем углу – почему-то именно это в первую очередь бросилось Эйвион в глаза, – кровать. Не особенно большая, но высокая, с тремя ступеньками, а над ней – балдахин на витых столбах. В другом углу полыхал камин, распространяя вокруг живительное тепло.

– Это – комната Олуэн, старшей дочери его милости, – пояснила Ингунда. – Уж пустует давно, но здесь прибрались.

– А где она?

– Замужем за сыном графа Деверо. Как уехала, так и с концами. Горничная ваша может там ночевать, – домоправительница указала на дверку в стене, которую Эйвион сразу не заметила. – Там же купель есть. Сейчас распоряджусь, воды натаскают. Платье к утру принесу. – Ингунда оценивающе глянула на Эйвион. – Уж больно вы тоненькая, наряды её милости не подойдут.

Она повернулась к двери.

– Если что потребуется, у кровати шнур есть.

– Спасибо вам, – сказала Эйвион.

Домоправительница улыбнулась.

– Не за что. – Она нырнула в дверь, покачивая головой, и до Эйвион донеслось едва слышное: – Бедняжка...

Эйвион вздохнула, но тут же принялась обходить опочивальню: с робостью дотронулась до резных спинок кресел, провела рукой по бахrome подушек и, наконец, остановилась возле кровати. Там была перина, белая и мягкая, судя по

ощущениям – пуховая.

– С ума сойти, – потрясённо проговорила Айрис. – У Дилис Блойдеин сарай по сравнению с этим. Я видела её покои.

Она с осторожностью уселась в одно из кресел, поёрзала для удобства, но тут же вскочила, услышав скрип двери.

В комнату вошёл какой-то нечёсанный мужчина, глянул на девушек исподлобья.

– Вода, – буркнул он, и за ним потянулась целая вереница подростков, каждый с двумя вёдрами в руках.

– Живей, живей, – бурчал мужчина, и мальчишки один за другим шныряли за вторую дверку, туда-сюда. Эйвион с изумлением следила за этим действием: воды они натащали вёдер тридцать, а то и больше. Под конец мужчина кособоко поклонился и, пятясь задом, вышел.

– С ума сойти, – повторила Айрис, как-то неопределённо посмотрев на свою подругу. – Ты прямо как настоящая... э-э, а ты кто? Баронесса?

Эйвион покачала головой.

– Нет. Отец простым рыцарем был. – Взглянув в распахнутые глаза Айрис, она хмыкнула. – Да ну тебя. Пойдём посмотрим, что там.

Вторая комната оказалась меньше и намного проще первой: без камина, с несколькими сундуками и обычным топчаном у стены. Но в её середине стояло чудо – медная начищенная до блеска купель, не какой-нибудь таз, а самая настоящая ванная.

– О-о, – протянула Эйвион с тихим восторгом, – давай вместе.

Айрис сбегала в опочивальню, откуда притащила две свечи. Улыбнувшись друг другу, девушки одновременно скинули платья и, затаив дыхание, залезли в тёплую, даже почти горячую воду. Они нежились, потом тёрли себя и друг друга, смывая недельную грязь, а под конец, окончательно развеселившись, принялись брызгаться.

Раздался стук, и обе они встрепенулись, почти испугавшись.

– Кто там? – крикнула Айрис.

Из-за створки двери высунулась уродливая голова карлика Кораха.

– Чего тебе? – грозно спросила Айрис.

Коррах состроил гримасу и, протиснувшись целиком, уселся на табурет.

Эйвион немного смутилась.

В Озёрном Лугу имелась общественная баня, в которой по заведённому порядку раз в месяц вся дворня мылась и плескалась без различия полов и возрастов, но сама Эйвион туда не ходила. Сначала – опасаясь насмешек из-за своей внешности, а потом потому, что матушка Маргет объяснила ей, что дочери рыцаря негоже купаться вместе с челядью.

– Чего тебе, Коррах? – спросила Эйвион, опустившись в воду поглубже, однако купель была всё же не настолько велика. Коррах, впрочем, не обратил никакого внимания на её

смущение.

– Вот что, – серьёзно сказал он, – у меня предложение к госпоже Ллир. Чую – не усну, пока не скажу. А то вдруг завтра не получится. А вы уже, кажись, не завтра, так послезавтра поутру уедете.

– Ты о чём?

– Мне в Керке делать нечего. Работы для меня здесь нет, а к обедкам я не привычный. – Маленький человечек пожевал губами. – Я б поехал с вами. Зачем – не могу сказать, проку от меня немного. Но без господина иль госпожи жить трудно. По мне лучше служить честно, чем подачками питаться. Читать-писать я, правда, не умею, но знаю кучу песен и не очень смешных шуток, и вообще много того, что здешним олухам и не снилось. Женские надобности всякие мне знакомы: как-никак десять лет её милости Мейнир прислуживал.

– М-м... – тихонько промычала Айрис. – Вы тут, пожалуй, без меня поговорите.

Она выскочила из купели и, на ходу подхватив платье, скрылась за дверью.

– Что скажешь? – буркнул карлик, проводив её косым взглядом.

Эйвион помолчала немного.

– Знаешь, Корах... наверное, я буду плохой госпожой.

– Из-за этого? – Он дотронулся до своей щеки.

Эйвион кивнула.

– Не для меня. – Карлик пожал плечами. – Я сам, как видишь, хоть и мужчина видный, но не первый парень на деревне. Кроме того: ты много знаешь о Чёрной Деве? Говорят, у неё не только лицо с одной стороны страшное, но и телесно она лишь наполовину человек. Говорят, у неё из левой груди змеи ядовитые растут, а то и не такие небылицы рассказывают. – Корах усмехнулся. – А у тебя, смотрю, с этим в порядке всё. Пусть другие думают, что хотят, мне на здешние суеверия плевать. Ну, как?

Эйвион задумалась на мгновение.

– Дай мне мою одежду.

Она с некоторым трудом натянула платье на мокрое тело, потом встала перед Корахом.

– Я согласна.

Карлик неловко опустился на одно колено (вид у него был необычайно серьёзный).

– Я, – тихо и торжественно произнёс он, – Корах, сын Хевина из Лимерика, признаю тебя, Эйвион Ллир, своей повластной госпожой. Вверяю себя в твои светлые руки, и пусть воля твоя ведёт меня. Клянусь благородству твоей крови в вечной и безграничной верности, уважении и послушании. Да не будет у меня другого господина, и не послужу словом или делом никому другому.

У Эйвион перехватило дух.

– Я принимаю твою службу.

Половину следующего дня Эйвион провела в опочивальне.

Тот молодой солдат, Утер, оказался прав насчёт погоды. Вчера просто штормило. Забравшись поутру на сундук и открыв ставни, Эйвион замерла от восторга: так там было красиво.

Окно, единственное в комнате, выходило на море – безбрежное, синее, как её глаза, а по небу торопливо бежали белоснежные кудрявые облачка. Может быть, ей показалось, но далеко-далеко она увидела чёрные спины каких-то больших рыб, величаво покачивавшихся в волнах. Эйвион присмотрелась: пять или шесть чёрных точек. Потом они исчезли.

Эйвион высунулась в окно, и от страшной высоты её сердце заколотилось, как птичка в клетке.

Стена башни обрывалась вниз, вращая в изломанные скалы, а ещё ниже, в головокружительной глубине, волны с грохотом разбивались о подножие утёса.

Солёный ветер дышал прохладой, и Эйвион с удовольствием бы вышла прогуляться – так интересно было бы посмотреть на Керк при хорошей погоде, – однако, вспомнив тот не особо дружелюбный приём, что ей оказали прошлым вечером, она вздохнула, но решила пока отказаться от этой затеи.

Тем более, здраво рассудила она, вряд ли предыдущая хо-

зьяка этих покоев, Олуэн Корнин, бродила по двору, подобрала юбки, и заглядывала во все подворотни. Госпожа должна вести себя по-другому. Вон, Дилис Блойдеин вообще нос из своей опочивальни не показывала, потому что не по рангу ей среди слуг торчать. Вот приеду в Ллир, подумала Эйвион, там и буду ходить, где захочется. И даже надо так сделать – ведь это её замок, и владелица должна знать, где что находится.

Притворившись, что ей удалось-таки убедить саму себя, Эйвион слезла с сундука с намерением внимательно осмотреть эти замечательные покои при дневном свете. Интересно, а что делала Дилис Блойдеин целыми днями у себя в башне?

Айрис сидела на кровати, как спала – нагишом, и сладко потягивалась. Очень красивая, по привычке подумала Эйвион, мельком глянув на подругу: даже только ещё наметившаяся грудь не торчала, как у неё, а круглилась аккуратными холмиками. Прошлым вечером девушки по молчаливому согласию улеглись вместе, как привыкли, и уснули в мгновение ока на волшебной-мягкой перине.

Пожелав доброго утра, Айрис быстро оделась и помчалась вниз, сообщив на ходу, что принесёт что-нибудь поесть. Спустя всего несколько минут в дверь постучали, и вошла Ингунда с целым ворохом платьев в руках.

– Какое-то обязательно подойдёт, – сказала она. – У его светлости две дочери было, так Олуэн чуть пониже вас, а вот

Гленис точь-в-точь.

– А где она? – поинтересовалась Эйвион.

– Зачахла, бедняжка. С детства здоровьем не отличалась, тоненькая была, как тростинка.

Оценивающе посмотрев на Эйвион и на десяток нарядов, разложенных на кровати, Ингунда выбрала один.

– Сначала вот это, – сказала она, протянув Эйвион длинную белую рубаху. – Это нижнее, *камиза*. Беднота здесь, конечно, на голое тело платья носит, но знатным не положено. И для тепла опять же хорошо.

Платье, которое выбрала домоправительница, было голубого цвета, с глухим воротом и высокой талией, почти под грудью; книзу оно сильно расширялось. Оно оказалось очень приятным на ощупь, куда мягче, чем наряд тётушки Маргет. На ноги Эйвион надела принесённые Ингундой остроконечные сапожки без каблуков.

Возле кровати на стене висело зеркало, тоже металлическое, как в Озёрном Лугу, но большое и забранное в резную деревянную раму. Затаив дыхание от восторга, Эйвион рассматривала себя, поворачиваясь то одним боком, то другим. За этим занятием её и застала Айрис, которая с плохо скрываемой завистью немедленно принялась охать и ахать.

Эйвион указала ей на платья, оставленные домоправительницей на кровати.

– Возьми любое. Матушка Ингунда сказала, чтобы я выбрала те, которые хочу взять с собой. Они хозяйским дочкам

уже без надобности.

– Ах! – Айрис повисла на шее у Эйвион, и немедля бросилась к нарядам.

Они уже заканчивали завтракать, когда пришёл сир Гарет. Отъезд назначили на сегодня, после обеда, сообщил он, лорд Марред передумал, и не хочет тянуть.

– До Мирна, где стоят драгги, всего полдня пути. Это большое селение на южном берегу мыса Нос Тролля. Там мы переночуем и утром отплывём со свежими силами.

– А далеко ли оттуда до Ллира? – спросила Эйвион.

Рыцарь пожал плечами.

– Не могу сказать. Если ехать берегом, да отсюда, трёх дней хватило бы с лихвой. Но из Мирна мы поплывём на запад, к устью Глинна – этот залив называют Глоткой Тролля, – а потом обратно, мимо Мирна, Керка, и дальше на север. Честно говоря, девочка, я никогда не плавал на кораблях, как и большинство наших солдат.

– А как же мы тогда поплывём?

– Ну, уж сотню человек, умеющих махать веслами, точно наберём. Лорду Марреду служат немало физов, и для них управляться с драггами не в первой. А для навигации есть особые люди. Лорд Марред выпросил на время у Ирк’лаала двух кормчих, чтобы обучить своих людей.

– А кто такой этот Ирк’лаал? Очень странное имя.

– Это торговец из Морского народа. А может, и не просто торговец, а что-то вроде *шейна* – это как наши графы.

Далеко на юге есть большой остров Элькин, так его один из наших королей отдал во владение Морскому народу. Из-за моря Арит они привозят много дорогих и красивых вещей, но сюда, на север, заплывают редко. Они странные на вид и не верят в наших богов. Да и, говорят, чужаков к себе на Элькин не пускают.

Сир Гарет поднялся с кресла.

– Так что пока отдыхайте, – закончил он, – я пришлю за вами.

Глава 6. Глотка тролля

Дорога на запад оказалась однообразно-скучной: бесконечные заросшие вереском пустоши, кособокие деревца, словно прижатые к земле вечным ветром, и низко висящее свинцовое небо. Эйвион куталась в плащ и едва не засыпала под мерный лошадиный шаг.

Во всём отряде лошади были только у неё и у сира Гарета. Все прочие, не исключая и Айрис, шли пешком. Первые несколько минут пути Айрис куксилась, однако вскоре, смирившись с судьбой, бодро зашагала рядом.

Корах семенил по другую сторону от лошади. Поначалу Эйвион с тревогой посматривала на маленького человечка, опасаясь, что он не выдержит долгой дороги, но Корах не выказывал даже признаков усталости.

– Зато мне намного теплее, чем им всем, – буркнул он, заметив очередной взгляд своей госпожи, – на каждый их шаг я делаю два...

Его одежда являла собой странную смесь достатка и бедности. Пошитая, очевидно, в те времена, когда карлик служил графине Мейнир, за прошедший год она изрядно поизносилась. Камзол Кораха был зелёного бархата с обтрёпанными золотыми нитями, штаны – дерюжные, а сапоги и во все имели такой вид, словно он стащил их с человека раза в три крупнее себя самого. На голове карлика красовался фио-

летний шёлковый берет. Но что больше всего поразило Эйвион, так это настоящий меч, болтавшийся на его боку. Меч был короче обычного, но тускло поблёскивавшая сталь и потёртая рукоять не оставляли сомнений в том, что это не игрушка.

Отряд сира Гарета растянулся на добрых три сотни стридов: всего около двухсот человек, лучников, копейщиков и мечников. «Целая армия!» – поразилась Эйвион, и рыцарь, улыбнувшись, пояснил:

– Совсем маленькая армия. Лорд Марред Корнин может выставить в десять раз больше, но я думаю, этих людей вполне хватит, чтобы покончить с разбойниками. Главное – перекрыть им выход из устья. Море там спокойное, и они легко могут воспользоваться лодками для бегства.

При упоминании о море Эйвион вспомнила увиденное утром, и рассказала сир Гарету. Тот пожал плечами.

– Говорят, далеко в открытых водах можно встретить таких рыб: они больше корабля, и в их головах имеются отверстия, через которые они выпускают фонтаны воды. Но в наших краях ни я, да и никто из рыбаков никогда таких не видел. Наверное, тебе померещилось.

Солнечный диск едва коснулся горизонта, когда отряд достиг Мирна.

Сир Гарет не преувеличил – селение действительно было большим, окружённым невысокой стеной из грубо обтёсанных глыб известняка. Вереница из десятков домиков тяну-

лась вдоль побережья: в основном бревенчатых, с соломенными крышами, и возле каждого – рыбацкие сети, развешанные на чёрных от влаги столбах. Множество лодок всех размеров лежали на берегу, некоторые старые и с пробитыми днищами, но ещё больше бок о бок теснилось в широкой гавани, – и над всем этим висел неумолчный шум из криков чаек, лая собак, стука топоров и скрипа снастей. Солёный воздух был пропитан запахом рыбьей требухи и дыма из коптилен.

Но не это в первую очередь бросилось Эйвион в глаза. У широкого причала на волнах величественно покачивались два огромных корабля с носами, украшенными резными выкрашенными золотой краской головами драконов. Борта драггов были расписаны продольными красными и зелёными полосами.

– Какие громадины! – поражённо пробормотала Айрис. – Как же они не тонут?

Сир Гарет обернулся к Эйвион.

– Тебя проводят к Дому Старейшин, – сказал он, – а мне нужно заняться делами.

В сопровождении полудюжины солдат Эйвион направилась вглубь деревни. Копыта лошади зачавкали по грязи. Завидев явно знатных кровей гостей, в небесно-голубом платье и добротном плаще, верхом на статной кобыле, рыбаки бросали работу, выглядывали из хижин, торопливо кланялись, сдёргивая шапки, некоторые бухались на колени, но,

стоило ей проехать – девушка краем глаза заметила это, – начинали качать головами и выразительно переглядываться. Солдаты грозно посматривали по сторонам; Эйвион сидела в седле как каменная.

На Кораха же в открытую показывали пальцами. На лице карлика застыла презрительная ухмылка.

– Чего пялитесь, олухи? – бросил он мимоходом и словно себе под нос. – Ни разу не видели, как должен выглядеть нормальный человек?

– Что это за Дом Старейшин? – тихо спросила Эйвион у Утера – слава богам, он оказался в числе сопровождающих.

– Это здесь самый большой дом. Они там собрания проводят, и мужчинам туда ходу нет.

– Как? – изумилась Эйвион.

– Старейшины здесь – женщины. Так во многих прибрежных деревнях. Считается, вроде, что мужья – они в море хозяева, а жёны – на земле. И мужчина когда в дом заходит, должен во всём проявлять послушание и уважение. – Утер хмыкнул. – У них тут даже Дом изгнанных есть. Это если жена мужа за какую провинность изгоняет, он там может переночевать, но потом обязательно должен вернуться и прощения просить.

– Чудно́, – пробормотала Айрис.

Меж тем начал накрапывать дождь, и отряд ускорил шаг. Дом Старейшин оказался каменным, с высокой двускатной крышей, почти достигавшей земли. Стропила из ду-

бовых балок толщиной с ногу человека тянулись вверх и, скрещиваясь, оканчивались резными мордами каких-то чудовищ.

У дверей их встретила старуха с длинной клюкой. Глянув на Эйвион, она нахмурилась, но не сказала ни слова, только махнула рукой в сторону входа. Солдаты развернулись и отправились обратно, шлёпая по лужам, а Корах сделал попытку проскользнуть вслед за своей госпожой.

– Пошёл! – гневно рывкнула старуха, выставив клюку в его сторону.

Корах остановился, широко улыбнувшись.

– Ну, матушка, вы мне льстите, – насмешливо произнёс он.

Не удостоив его в ответ даже взглядом, старуха закрыла дверь.

* * *

Эйвион стояла на короткой носовой палубе драгга, рядом с сиром Гаретом. Прохладный ветер шевелил её волосы.

Корабли оказались способны вместить всех воинов. В каждом из драггов помещалось по пятьдесят гребцов, по двадцать пять с каждой стороны; остальные солдаты время от времени сменяли своих товарищей. Гребцы сидели на низких скамьях и взмахивали длинными вёслами, подчиняясь мерным звукам большого бронзового диска на корме ко-

рабля.

Эйвион глянула в ту сторону, и торопливо отвернулась, поймав взгляд кормчего. Этот человек показался ей таким страшным, что, увидев его утром, она даже отшатнулась. Высокий, мускулист и силён – настолько, что казалось, он как с тростинкой управляется с огромным рулевым веслом футов двадцати длиной. Весло дергалось, будто живое, пытаясь вывернуться из его рук, но каждый раз было вынуждено подчиняться. Несмотря на холод, кормчий был обнажён до пояса, и его кожу покрывали замысловатые татуировки – всё видимое тело, вплоть до кончиков ушей на гладко выбритой голове. Синие уродливые щупальца облепляли его лицо, а глаза, густо обведённые чёрным, смотрели дико и пронзительно. На его боку висел длинный кривой нож.

Другой такой же человек – в узорах, с добрым десятком ожерелий на шее, и в тёмно-красных шароварах, – бил в диск. Это были люди из Морского народа, те самые, о которых упоминал лорд Марред; кормчего звали Ал'иир, а имени второго Эйвион не запомнила.

В её горле немного першило от смеси разных запахов. Накануне днём корабли подновляли, пропитывая доски смолой и жиром, и сейчас даже свежий морской ветер оказывался не в состоянии перебить густые испарения, в которые вплетался отчетливо различимый дух нечистот и застарелой крови, словно составлявший одно целое с драггом. Именно поэтому Эйвион, просидев пару часов возле мачты, предпочла

перейти на нос корабля. Айрис же всю дорогу мирно дремала, примостившись возле какого-то тюка. Где-то там, среди солдат, сидел и Корах.

Пробираясь по качающейся палубе к сиру Гарету, Эйвион вздрогнула, вдруг заметив чью-то руку, высунувшуюся из отверстия возле борта. В руке был зажат ковш, и на мгновение в нос Эйвион ударила резкая вонь.

Под палубой, как оказалось, сидели два человека, по одному на каждом конце, и они без устали вычёрпывали воду и грязь, что просачивались внутрь драгга. Пару раз Эйвион замечала их головы, высовывавшиеся наружу глотнуть свежего воздуха – чёрные и нечёсанные; на их шеях красовались железные ошейники с цепями, концы которых уходили в темноту.

– Рабы, – бросил сир Гарет, заметив её взгляд.

– Они сидят там всё время? – с ужасом спросила Эйвион.

– Нет. Когда команда сходит на берег, им дозволено вылезти наружу. – Рыцарь серьёзно посмотрел на неё. – Жалость госпожи Ллир здесь неуместна. Это убийцы и насильники. Пусть будут благодарны: в ином случае их бросили бы в яму, завалили хворостом и устроили бы пляски. И их не двое, их трое. Потому что если умрёт один, одному внизу не справиться.

Драгг нёсся, как птица. В отличие от вечно беспокойного Северного моря, водная гладь Глотки Тролля лишь слегка волновалась, и под плеск волн воины затянули песню:

*То было давно,
Дорогу держали,
Числом премногие
Корнина люди,
Плыли по соли
По следу форели.
Так этого жилья
Стал я правителем.⁴*

Тем временем светило уже начало клониться к западу, и на безоблачном до того небе появились тёмные облачка. Помощник кормчего вдруг быстро ударил три раза подряд и, повинаясь сигналу, гребцы одновременно подняли вверх вёсла. Тут же, распускаясь, захлопал парус.

Эйвион как заворожённая смотрела на это чудо: огромный и полосатый, он сразу натянулся, надувшись попутным ветром.

– Какой большой...

Сир Гарет улыбнулся.

– Да. Работа для дюжины мастериц почти на год.

Он обернулся к внезапно появившемуся на носу драгга кормчему. Тот едва заметно поклонился.

– Если Эил будет к нам благосклонен, к вечеру мы будем на месте.

⁴ По мотивам «Саги о Хальве и воинах Хальва».

Говорил он медленно и правильно, сильно растягивая слова.

– Попутный ветер – это хорошо, – кивнул сир Гарет.

– Ветер – обманщик. Ал’иир не верит обещаниям Эила.

– Ты боишься ветра?

Кормчий сверкнул глазами. Он был почти на полголовы выше сира Гарета.

– Я – единственный, кто должен бояться. От моего страха зависит жизнь твоих воинов.

– Справедливо, – сказал рыцарь.

Не ответив, кормчий развернулся и исчез так же быстро, как появился.

На его месте возникла фигура Алуна.

– Чего тебе? – спросил сир Гарет.

– Не верю я этому черномазому, – буркнул старый солдат, дёрнув себя за ус.

Рыцарь вопросительно поднял брови.

– Он постоянно назад пялится, – продолжил Алун, – и сразу вперёд, как замечает, что на него кто-то смотрит. А сзади нет ничего.

– Ты излишне подозрителен, Алун. Хороший кормчий должен видеть всё вокруг. К тому же за нами идёт второй драгг.

– Ну, может, и так.

Справа проплывали высокие берега Глотки Тролля, густо заросшие сосновым лесом. Стена из деревьев, подступав-

шая к краям обрыва, стояла плотно и мрачно, разглядывая непрошенных гостей тёмными провалами меж стволов. Небо мало-помалу затягивали тучи.

Вновь трижды прогудел бронзовый диск, и парус, подчиняясь усилиям нескольких солдат, начал медленно подниматься.

– Почему убирают парус? – спросила Эйвион.

– Не знаю. – Рыцарь пожал плечами, глядя на приближающегося Ал’иира. Вода была тихой, и на время тот доверил рулевое весло своему помощнику.

– Туман, – коротко пояснил кормчий, указав прямо по курсу корабля, туда, где далеко-далеко в синеватой дымке проступали очертания высоких холмов.

– Я не вижу никакого тумана, – сказал рыцарь.

Кормчий растянул губы в едва заметной улыбке. Его покрытое синими щупальцами лицо сделалось ещё страшнее.

– Ал’иир тоже пока не видит. Но скоро туман будет здесь.

– Так что же?

– В тумане плыть нельзя. Ал’иир говорит: надо стоять и ждать.

Рыцарь задумался.

– А далеко ли до устья Глинна?

– Не больше двух часов быстрого хода.

Сир Гарет кивнул.

– Плывём вперёд. Без гонга. Вёсла обмотать тряпками. А как увидим туман, пристанем к берегу. Мне говорили, что

крепость стоит в полумиле вверх по течению. Вечер – это хорошее время, нельзя упускать. Они не ждут нас.

– Не ждут, – медленно повторил Ал’иир. – Хорошо.

Он направился на корму драгга, где принялся подавать какие-то знаки шкиперу второго корабля. Эйвион проводила его взглядом, и на мгновение ей показалось, что на горизонте, там, где тёмная вода сливалась с небом, вновь мелькнули и тут же пропали чёрные точки.

* * *

Туман появился неожиданно. Его языки, будто живые, стремительно потекли с холмов, просочились меж тёмных сосен, и на мгновение замерли перед водной гладью залива. У Эйвион перехватило дыхание: туман увидел приближающиеся драгги. Подобно тысячеголовой змее, он пружинился, собирался в клубки и готовился к прыжку.

С тихим плеском вёсла опустились в воду, и корабли медленно поплыли вперёд; только хриплое дыхание солдат и скрип уключин нарушали мертвенную тишину. Словно вздох удовольствия донёсся со стороны тумана; внезапно вздыбившись горой, он ринулся к своей жертве.

Холодное влажное облако окутало драгги, настолько густое, что лицо стоявшего рядом сира Гарета Эйвион видела как в дымке. Низ и верх, север и юг перестали существовать. Необъяснимое чувство тревоги охватило девушку.

– Проклятье, – пробормотал рыцарь сквозь зубы. – Эй, Ал’иир, где берег?

Вместо ответа раздался торопливый двойной удар гонга. С левой стороны гребцы немедленно подняли вёсла, а с правой продолжали грести. Но было уже поздно: с оглушительным скрипом драгг остановился, напорвшись на мель. Несколько вёсел с треском сломались. Солдаты, стоявшие на палубе, повалились друг на друга, Эйвион едва удержалась на ногах. На корабле поднялся гвалт.

– Ал’иир, Вил тебя побери! – крикнул сир Гарет. – Где ты там?

– Его нету, командир! – тут же раздалось в ответ.

– Сбежал, гадёныш!

– И другого тоже нет!

– Кто видит второй драгг?

Солдаты замолчали, напряжённо вглядываясь.

– Зажечь огни! – приказал рыцарь.

Спустя минуту запалили два факела: их огни мутными пятнами осветили лица солдат. Один из факелов принесли на нос корабля: это оказалась глубокая железная плошка, заполненная жиром. Солдат подвесил её на крюк, вделанный в голову дракона.

Из тумана вынырнула фигура Алуна.

– Я ж говорил... он нарочно нас сюда завёл.

Рыцарь только махнул рукой.

– Десятки Мадока и Ивора в воду! – приказал он. –

Остальные – на левый борт.

Двадцать человек, сбросив с себя камзолы и оставив оружие на палубе, принялись спускаться.

– Раскачиваем! – вскоре раздалось снизу.

Драг стоял как вкопанный.

– Алун! – позвал сир Гарет. – Ещё двадцать человек.

Солдат кивнул, повернулся, собираясь уйти, и вдруг застыл.

– Что за... – пробормотал он, всматриваясь.

Из тёмного марева прямо на них плыли огни. Один, второй – не меньше дюжины лодок с пылающими горами хвоста.

– Сейчас сгорим! – рявкнул сир Гарет. – Отталкивайте их вёсл...

Рыцарь замолчал, пошатываясь. Эйвион завизжала. В его левом глазу торчала стрела, и тоненькая струйка крови текла по щеке. Ноги рыцаря подкосились, и он с грохотом свалился с носовой палубы.

В то же мгновение из тумана возникли очертания небольшого корабля, потом ещё одного и ещё, со странными треугольными парусами.

– К оружию! – закричал Алун, и сам упал, захрипев. Его крик потонул в многоголосом вопле, хлынувшем со всех сторон. Сотни стрел вонзались в живую плоть, щёлкали о борта драгга. Зажав руками рот, Эйвион села на корточки, пытаясь спрятаться от смертоносного ливня. Кто-то прикрывал-

ся щитами, другие сами стреляли в ответ, но мешала мгла, мешал едкий дым от полыхавших вокруг драгга лодок.

Эйвион отшатнулась, вскрикнув от ужаса: прямо рядом с ней в борт корабля с лязгом вцепился большой железный крюк. Другой такой же, вонзившись в бок солдата, пригвоздил его к дереву. Солдат дико завопил; кровь хлестала из развёрстой раны.

– Пошли живей! – невесть откуда взявшийся Корах дёрнул Эйвион за руку. – Не высовывайся. Плавать умеешь?

– Где Айрис? – задыхаясь, спросила она.

– Вил её знает. Быстрее.

Они не успели сделать и двух шагов. На драгг, как горошины из лопнувшего от зрелости стручка, посыпались люди. Полуобнажённые, с телами, покрытыми узорами. Звон железа и дикие крики оглушили Эйвион. Морских людей было много, так много, что у неё закружилась голова от бесконечного мелькания татуированных торсов и свирепых лиц – словно гигантский клубок цветных змей хлынул из моря, заполняя собой всё пространство. Отчаянно сопротивляющихся солдат сира Гарета осталось меньше полусотни; их теснили к корме, но и там их подстерегала опасность: всё новые и новые дикари, завывая, лезли на драгг, падали в воду, сражённые мечами, но на их месте тут же появлялись другие.

Палуба была завалена мёртвыми утыканными стрелами телами. Кое-кто ещё шевелился, а один воин, с двумя стрелами в спине, пытался перебраться через борт. Подскочив-

ший *аркан* страшным ударом кривого тесака снёс ему голову; тело мешком свалилось на палубу. Аркан огляделся – и остановил взгляд на сжавшейся в комочек Эйвион.

Ругнувшись сквозь зубы, карлик выхватил меч. Морской человек, – кажется, это был Ал’иир, – громко захохотал. Корах храбро бросился на противника, но тут же, отброшенный ударом могучего кулака, отлетел в сторону. Ал’иир схватил Эйвион за волосы; она вцепилась в его руку зубами, на мгновение почувствовав вкус крови. Ухмыльнувшись, кормчий с силой швырнул Эйвион вниз.

Её голова с треском ударилась о доски палубы, и она провалилась в темноту.

Книга вторая. Эйша

Глава 1. Рабыня

Эйвион очнулась оттого, что что-то мягкое пробежало по её ноге. Голова жутко болела, и она не сразу поняла, где находится. Было темно и мокро, рядом кто-то разговаривал, скрипело дерево, и явственно слышался плеск воды. Пол плавно покачивался. Знакомые запахи, от которых желудок выворачивало наизнанку: смола, ворвань и нечистоты. Эйвион попыталась приподняться, и её вырвало.

– О, – сказал кто-то, – кажись, подружка наша очнулась.

– Заткнись, Кайн. – Эйвион узнала этот голос. Он принадлежал Ивору, одному из десятников сира Гарета. – Про бабу свою будешь так говорить. Для тебя она – госпожа Ллир.

– Да ладно тебе, – буркнул Кайн, – там, может, и госпожа, а сейчас мы все вместе в заднице у Вила.

– Где мы? – спросила Эйвион. Язык был сухой, во рту застыл мерзкий вкус.

– На ихнем корабле, – ответил Ивор.

– Куда нас везут? Почему на нас напали? – Глаза понемногу привыкали к темноте, и в едва заметных дорожках тусклого света, пробивавшегося из щелей палубы над головой, Эйвион различила несколько согбренных человеческих силу-

этов. – Здесь все, которые остались?

– Нет, не все. Я так думаю, человек сорок осталось, может, больше. У этих гадов четыре или пять кораблей, всех на разные рассадили. А везут, скорее всего, на Элькин.

– Зачем?

– Говорят, там у них самый большой невольничий рынок. – Тёмная фигура Ивора наклонилась, что-то протягивая. – Вот, возьми, тут немного воды. Всю не пей, а то не знаю, когда нам ещё дадут.

Эйвион сделала пару глотков.

– А кто эти люди? Морской народ?

– Они самые. Только слышал я, что они разные бывают. Эти – пираты. Думаю я, господин наш лорд Марред заглотил ихний крючок с наживкой, как глупая рыба.

– То есть?

– Суди сама: Ирк'лаал продал Марреду два корабля, да, как говорят, за малую цену – с чего бы это? А с того, что потом, скорее всего, рассказал своим друзьям, что, где, да как. И кормчих дал таких, которые привели нас напрямёхонько к ним в лапы. А может, они и вовсе у него на службе. Те наверняка поблизости от Керка или Мирна болтались, ждали, когда драгги в море выйдут. А потом за нами поплыли, корабли захватили и рабов. Всё просто. Сам Ирк'лаал чистенький остался, да при деньгах. И драгги себе вернёт. А мы – подарочек его друзьям, награда за хлопоты.

Да, подумала Эйвион, вспомнив про чёрные точки на го-

ризонте, наверное, так и было. Вовсе не большие рыбы, а пиратские корабли.

– Хотя, конечно, странно всё это, – продолжал Ивор. – Наших-то много полегло, но их – не меньше. Никогда не слышал, чтобы арканы нападали на корабли, битком забитые солдатами. С купеческими возни куда как меньше. Так что выгода у них совсем невелика, что и говорить.

Эйвион кивнула, и тут внезапно до неё дошёл смысл сказанного Ивором ранее. У неё перехватило дыхание.

– Вы сказали: нас везут на невольничий рынок?

– Именно. Более ни для чего мы им не надобны. А иначе бы ножом по горлу – и в воду. – Ивор устало привалился спиной к доскам. – Ну, тебя, может, и не продадут. Может, старику Марреду за выкуп предложат, только нужна ли ты ему? Или вовсе с этим связываться не захотят. Морскому народу на нашу знатность-незнатность плевать, они вообще земляных людей презирают.

– Земляных людей?

– Ну, тех, что на земле живут и в море ходить не любят. Так что, девочка, я бы на твоём месте на хорошее не рассчитывал. Хочешь совет?

Эйвион кивнула.

– Ну, тогда проявляй послушание, молча делай, что тебе говорят, и гордость свою не показывай. Иначе разговор у них будет короткий. Женщины у арканов другое положение имеют, и знатных среди них нет. Помрёшь ни за что. А жизнь –

она длинная. Надо уметь терпеть.

Эйвион помолчала немного.

– А сир Гарет?.. – тихо спросила она.

Ивор покачал головой.

– Нет. Удивительное дело: стрела точно в глаз попала. В темноте, да в тумане. Ни один человек так выстрелить не может. Не иначе – воля богов.

У Эйвион к горлу подступил комок.

– А Корах? Айрис?

– Их не видел.

* * *

– А долго ли нам плыть?

– Кто знает. О кораблях Морского народа говорят, что они быстрее ветра.

Они плыли около недели. Так, во всяком, случае, показалось Эйвион, но точно она не знала. Она засыпала и просыпалась, время от времени замечая, что свет, пробивавшийся между палубных досок, более яркое, или наоборот, тёмное. Один раз корабли попали в бурю: качало невероятно, доски скрипели, вода лилась сверху потоками, волны били так, что казалось: ещё немного, и кораблю придёт конец, снаружи дико свистел ветер – даже здесь, в закрытой со всех сторон клетушке, закладывало уши. Пленники молились, взывая к Матери Боанн и всем водяным *исбри*, кто громко, кто про

себя, еле шевеля потрескавшимися губами.

За всё время их так и не выпустили наружу, и мышцы у Эйвион совсем затекли. Комнатка, в которой их держали, была небольшой, примерно шесть шагов в длину и три в ширину, с толстым столбом мачты посередине. Встать во весь рост здесь не получалось, но лишь сильно наклонив голову. Ходить взад и вперед тоже было затруднительно – мешали ноги сидящих и лежащих солдат, но делать это иногда приходилось: в дальнем конце комнаты была дырка в полу, заменявшая отхожее место. Двери в комнате не имелось, лишь четырёхугольный люк сверху, через который пленникам один раз в день бросали еду и бурдюк с водой. Еды едва хватало на всех: по маленькому кусочку вяленой рыбы, вызывавшей жажду, а вода пахла затхлостью. Было очень жарко и душно, особенно последние два дня пути, а когда открывался люк, Эйвион видела безоблачное белёсое небо, с которого палило солнце. Некоторые из пленников скидывали грязную вонючую одежду, раздеваясь чуть не донага; Эйвион с трудом сдерживалась, чтобы не последовать их примеру. Её платье превратилось в корку, а тело нещадно чесалось.

Крышка люка с грохотом откинулась в сторону.

– Выходить!

Пленники один за другим выбирались наружу: по очереди вставали под люком, и их за руки вытягивали наверх. Яркий свет солнца ослепил Эйвион так, что первые несколько

мгновений она отчаянно жмурилась, переступая с ноги на ногу на горячих досках палубы.

Корабль плавно покачивался на волнах, а впереди, не дальше чем в двух-трёх милях, виднелась жёлтая полоска берега.

– Раздеться! – приказал тот же голос. Эйвион глянула: это был Ал’иир, всё в тех же широких штанах и с обнажённым торсом.

Переглянувшись, пленники с хмурым видом принялись снимать одежду. Эйвион стояла, не понимая, что делать. Потом, посмотрев на остальных, медленно стянула с себя платье, оставшись в нижней рубашке.

– Живее! – крикнул Ал’иир. – Мыться, мыться!

Кормчий брезгливо вытянул руку, и дёрнул за ворот её *камизы*. Тонкая ткань рубашки с треском разошлась. Поддев ногой платье, он вышвырнул его в море вместе с рубахой. Эйвион зажалась, прикрывшись руками. Матросы, стоявшие вокруг, захохотали.

На палубу, зачерпнув за бортом, подняли кожаные вёдра и принялись окатывать пленников водой, солёной и очень тёплой. Эйвион нерешительно тёрла себя, боясь поднять глаза.

Всю одежду пленников отправили вслед за её платьем; взамен один из матросов принёс целый ворох тряпок из грубой холстины. Это оказались набедренные повязки – полоски ткани, едва прикрывавшие низ живота, белёные и чистые. Тут же появился ещё один человек, с большим мешком. Под

бдительными взглядами аркан с длинными ножами на боках он достал оттуда потёртые кожаные ошейники и по очереди застегнул их на шеях пленников; ошейники он скрепил друг с другом верёвкой.

Тем временем подняли паруса, и корабль взял курс на берег. Пленников оттеснили в середину судна, привязав концы верёвок к поручням.

* * *

По скрипящим доскам мостков их свели на пристань.

Солнце палило немилосердно, от гомона чаек и городского шума закладывало уши, брызги от волн мгновенно высыхали на коже солёными пятнами. Кругом стояли какие-то бочки и ящики; чернокожие рабы в таких же ошейниках, согнувшись в три погибели, грузили тюки. Толстый человек в ярко-зелёных шароварах и куртке-безрукавке на голое тело покрикивал и щёлкал кнутом. Множество лодок, с парусами и без, сновали по гавани, ловко лавируя между огромными кораблями. Какие-то невиданные птицы с длинными ногами и клювами хлопали крыльями и дрались над кучей отбросов. Пахло рыбой, дымом и специями.

Матрос дёрнул за верёвку, и пленники гуськом поплелись за ним следом. Справа и слева от них вышагивала полудюжина вооружённых кривыми саблями солдат.

– Это не Элькин, – шепнул Ивор; он шёл сзади от Эйви-

он. – Это другой остров. На Элькине нет таких деревьев.

Эйвион не сразу поняла, что он сказал – какие деревья? – в её голове как будто клубился туман. Ей было очень душно, ошейник натирал шею, острые камешки впивались в ступни, и она жутко чувствовала себя из-за своей наготы.

– Не Элькин? – глупо переспросила она. – А почему мы одни? Где остальные наши?

– Вил его знает. Наверное, корабли разделились, и поплыли в разные места.

Один из солдат что-то крикнул, грозно зыркнув на Ивора. Тот замолчал.

Они шли, наверное, около получаса, поднимаясь всё выше и выше, и то и дело сворачивая в разные проулки. Город каскадами взбирался на гору, а на её вершине виднелась крепость из белого сверкающего на солнце камня. Город слепил глаза, квадратные глинобитные домики стояли друг на друге и так тесно, что в некоторые улочки не заехала бы и тележка. Воздух дрожал маревом. Странные деревья росли в маленьких двориках: высокие, с шершавыми стволами и целыми пучками огромных листьев на вершине. В редких пятнах тени, иногда прямо на земле, расстелив циновки, сидели люди в замысловатых головных уборах и что-то пили из крохотных чашек. Тяжёлые гроздья инжира и винограда свешивались с веток.

Многоголосый гам оглушил Эйвион. Они оказались на большой площади, залитой солнцем и пыльной. В её сере-

дине стоял деревянный помост с полуголыми людьми, а вокруг – целая толпа, кричащая, спорящая и приценивающаяся. От обилия цветных тканей рябило в глазах. Надрывно орал осёл.

Тех людей свели вниз, и на помост по высоким ступенькам поднялись Эйвион и её товарищи. У неё всё внутри сжалось, голова кружилась, и ей казалось, что сейчас она упадёт в обморок.

Вокруг были десятки и сотни человек: усатых, бородатых или гладко выбритых, в татуировках и без, чёрных, смуглых и белокожих, в странных тюрбанах или с торчащими из затылков косами, в длинных одеяниях или полуобнажённых. Кто-то показывал пальцами, на неё или другого пленника, а продавец кричал, отвечая всем сразу и нахваливая товар. Высокий мужчина поднялся на помост, как скотину ощупал Ивора, даже заглянул ему в рот, и после короткого разговора увёл его, намотав верёвку на руку. Ивор коротко взглянул на своих товарищей и через мгновение затерялся в толпе.

Один, второй, третий, четвёртый... увели всех.

И только Эйвион стояла на помосте, дрожа всем телом и дико озираясь. Продавец, продолжая хрипло кричать, сдёрнул с неё набедренную повязку, хлопнул по заду, пальцем ткнул в живот. Вокруг засмеялись, и кто-то презрительно махнул рукой, указывая на её лицо.

– *Далла, далла!* – надрывался торговец, и тут прямо под ноги Эйвион упала, звякнув, медная монета. Он скривился,

но ловко подхватил её, засунув в поясной кошель. Потом махнул Эйвион рукой.

– *Ийтухиб*.

Она стояла, не понимая.

– Идти, – чуть запнувшись, старательно произнёс он, и подтолкнул её к лестнице.

Она шагнула вперед, чувствуя, что сейчас упадёт. Перед ней возникла согбенная фигура в чёрном, и такого же цвета повязке, закрывающей лицо.

– *Ийтухибери*, – сказала она старушечьим голосом, мягко взяв Эйвион за руку.

Глава 2. Та, которую выбрали

«Далла», как узнала Эйвион немного позже, означало «за любую цену».

Её покупательницу звали Фаиза, и она сама была рабыней в доме почтенного Тар'иика, Красного советника его высочества Мааг'сума, шейна Гази. Впрочем, не совсем обычной рабыней. Фаиза занимала высокий пост домоправительницы, и одновременно являлась *эн'хариим*, то есть хозяйкой *жён*. Впрочем, у Тар'иика была пока всего одна жена, но положение Красного советника обязывало его держать в доме *эн'хариим*.

* * *

– Эйша, господин зовёт тебя. У него снова что-то с ногой. Эйвион подняла голову, успев заметить мелькнувшую в дверном проёме чумазую физиономию Фарды – девчонки лет восьми. Ей пока не полагалось закрывать лицо, а Эйвион уже давно вступила в тот возраст, когда даже рабыням запрещалось появляться на улицах Гази без платка.

Обязательно в платке, прикрывавшем лицо до глаз и шею, и в рабской юбке – *тенуре*, представлявшей собой два куска ткани длиной чуть выше колен и шириной в пол-локтя, скреплённых между собой на талии, и оставлявших бёдра

обнажёнными. Этим одеяния служанок и ограничивались, если не считать длинных путаных связок бус, висевших подчас чуть не до живота. На ногах Эйвион носила сандалии: мягкие кусочки кожи, прикреплявшиеся к ступням ниточками таких же бус.

Сандалии и бусы на шее указывали на цену рабыни, точнее, на то место, которое она занимает в доме господина, а большинство служанок бегали по пыльным городским переулкам босиком, сверкая голой грудью.

Впрочем, свободные девушки Морского народа тоже ходили полуобнажёнными, в расшитых узорами юбках, и в замысловатых головных уборах, а вот замужним уже полагались накидки.

Поначалу такая одежда, или, скорее, её отсутствие, сильно смущала Эйвион, и она непроизвольно прикрывалась руками, заходя на рынок или в лавку к лекарю Дахилу, но вскоре привыкла. Здесь на неё никто не обращал внимания.

Главное – не поднимать головы, не смотреть прямо на свободных арканов, уступать им дорогу, и не забывать кланяться, вжимаясь в горячие известняковые стены домов, когда мимо проносится колесница со старшей женой шейна Гази, или проплывает паланкин с высоким чиновником из верхнего города. И не важно, есть ли у тебя бусы или сандалии. Один раз Эйвион была свидетельницей того, как наказали женщину, оказавшуюся недостаточно проворной для того, чтобы быстро отскочить в сторону. На её шее висела целая

связка ожерелий, но их сорвали в мгновение ока и швырнули в пыль; завывающую от ужаса служанку сбили с ног и потащили к ближайшей площади. Её колени в кровь раздирались о мостовую; её обнажили полностью и хлестали кнутахми из воловьей кожи до тех пор, пока бездыханное тело не обвисло на позорном камне подобно старой змеиной коже.

Поначалу Эйвион мыла и стирала всё, что скажут, выбивала пыль из многочисленных циновок и ковров, драила полы и поливала цветы. Работы хватало, но нельзя сказать, что особенно тяжёлой и обременительной – в доме господина Тар’иика имелось много слуг. За это время она тысячу раз вспомнила совет Ивора – послушание и ещё раз послушание, многократно убедившись в его правильности. Лениость, воровство и прочие провинности здесь не прощали, и об этом свидетельствовал позорный камень на нижнем дворе, а под господской частью дома находилась подземная тюрьма.

Спустя несколько месяцев Эйвион первый раз выпустили из дома, доверив несколько монет, с наказом купить изюма и миндаля. Тщательно пересчитав сдачу, Фаиза одобрительно хмыкнула, и с той поры время от времени стала посылать её по другим делам.

Эйвион быстро выучила арканский язык – не очень хорошо, но достаточно, чтобы понимать, – и, кроме того, умела считать, и Фаиза высоко оценила это умение. Среди рабынь такие способности встречались крайне редко, а свободным женщинам Морского народа полагалось быть неграмот-

ными, ибо их назначение от рождения состояло лишь в одном – стать чьими-то жёнами.

Но не у всех. Насколько поняла Эйвион, татуированные с головы до ног моряки составляли в Морском народе отдельную касту. Они жили, ели и спали на своих кораблях с треугольными парусами, и среди матросов и шкиперов, как говорили, есть даже женщины.

На улице приходилось закрывать лицо повязкой, и Эйвион очень была этому рада. Однако вскоре она заметила, что её обезображенное лицо не вызывает здесь особых эмоций – это был просто ожог, а не какая-то Вилова печать, да и о тёмном боге с таким именем в Гази не знали ничего. Её подруги – а Эйвион тесно сдружилась с двумя девушками своего возраста, Айят и Салимой, – жалели её, и иногда рассказывали о могущественных *сахуру*, волшебниках из М'раала, что на острове Элькин, якобы способных исцелить любую немощь.

– Но нам туда не попасть, – с сожалением всплеснув руками, сообщила Айят, высокая, ростом с Эйвион, смуглая девушка с очень красивой фигурой. – Никто и никогда не отправит к *сахуру* простую рабыню. Да и, говорят, женщинам в М'раал вообще дорога закрыта, а если кто посмеет, того сжигает небесный огонь.

Сам Гази был большим городом с крепостью на вершине горы, и одновременно – островом, где-то в Южном Море. Говорили, что к востоку от города до самых Синих гор простирается густой лес, а за ними нет ничего, кроме бескрайнего

океана. Спустя какое-то время Эйвион решила спросить, как бы мимоходом, о том, где находится Корнваллис, но в ответ Айят и Салима только пожали плечами. Они ничего не слышали о таком королевстве, и по вечерам с изумлением внимали рассказам Эйвион о странных белых хлопьях, что сыплются с неба, об озёрах и реках, скованных льдом – в здешних краях зимы не случалось вовсе, – и, замирая от ужаса, просили ещё и ещё раз рассказать о страшных гархах, утаскивающих людей в темноте ночи.

– Говорят, – задумчиво произнесла Салима, – на острове Баррак есть такие. Они похожи на огромных ящериц, только с крыльями. Они живут в горах, и солдаты шейна день и ночь сторожат ущелья.

– А я слышала, – тут же добавила Айят, – что раз в год им приносят жертвы. Двенадцать девушек со всего Морского народа...

* * *

Эйвион быстро вскочила с кровати – это, скорее, была не кровать, а простой деревянный лежак, с тоненьким тюфяком, набитым шерстью. В её маленькой комнатке с белёными глиняными стенами, кроме кровати, имелся ещё небольшой стол и табурет; вход занавешивался длинной полосатой циновкой. А на стене – о, чудо! – висело большое стеклянное зеркало. Немного мутное, но это было самое настоящее

стеклянное зеркало, судя по потрескавшейся от старости раме, давным-давно, ещё до её рождения, привезённое из-за Восточного моря. Это был подарок господина Тар'иика за невероятное умение Эйвион хотя бы немного облегчить вечные боли в его ногах.

Это оказалось нетрудно: в Озёрном Лугу Эйвион всегда с глубоким вниманием следила за матушкой Маргет, которая долгими вечерами что-то постоянно толкла в ступке, или варила в медном котелке.

Однажды лекарь Дахил, сухонький старичок в халате до пят, чуть занемог сам, и Эйвион велели принести от него лекарство господину Тар'иику. Понюхав украдкой содержимое глиняного сосуда, она робко предложила свои услуги, но не самому Тар'иику – её в господские покои не допускали вообще, – а его жене Зурифе, ещё молодой, привлекательной и доброй женщине. Та обещала подумать, и уже на следующий день Эйвион проводили на мужскую половину. С того момента – уже почти три месяца, – она готовила господину лечебную мазь, сначала каждодневно, а потом, когда боли стали не такими постоянными – время от времени.

Эйвион зажгла бронзовую лампу, на скорую руку ополоснула лицо водой из кувшина, расчесала волосы, завязала юбку – в доме носить платок было не обязательно, – и, вооружившись крохотной щёткой, принялась подводить брови и глаза чёрной краской из масла и чернильных орешков.

Вместо Эйвион получилась Эйша – так на здешний манер

произносили её имя.

Она придирчиво осмотрела своё отражение в зеркале – господин Тар’иик любил чистоту и аккуратность, – и немного расправила ниточки бус на груди.

За те без малого полтора года, что она провела в Гази, её тело почти избавилось от подростковой угловатости, бёдра чуть расширились, оставшись, однако, узкими и стройными, а груди превратились в округлые упругие холмики. Почти безупречные, если не считать родинки под левым соском. Раньше почти незаметной, но жаркое солнце Гази проявило это тёмное пятнышко. Даже не родинка, а что-то вроде родимого пятна в виде крошечной загогулины.

Закончив прихорашиваться, Эйвион подхватила небольшую склянку с заранее приготовленной мазью, и почти бегом направилась наверх.

Ещё не закончилось время послеполуденного отдыха, и дом был пуст, только жаркий ветерок шевелил занавески на окнах, покачивая листья миниатюрных пальм в мозаичных горшках.

Эйвион скинула сандалии, аккуратно поставила их перед дверью – дальше запрещалось проходить в обуви, и толкнула створку.

Она была просто потрясена, когда впервые попала в господскую часть дома, хотя тогда у неё не хватило времени, чтобы подробно рассмотреть окружающее великолепие. Полы, выложенные цветной плиткой, расписанной цветами и

птицами, ковры с ворсом, в котором утопали ноги, витые деревянные колонны, поддерживавшие резные потолки, цветные стёкла в окнах, диковинные растения в больших красивых кадках, высоченные вазы, а в одной из комнат, через которые она проходила, в окружении тех же колонн и пальм, – фонтан. Струя кристально чистой воды из него поднималась почти до потолка, и падала в четырёхугольный бассейн, рассыпаясь на тысячу брызг. И – никакой жары; каменные полы приятно охладили босые ступни.

Фаиза, нахмурившись, стояла у дверей мужской половины.

– Поторопись, – буркнула она, увидев Эйвион, – господин ждёт тебя.

Господская опочивальня была не особенно велика, но тиха и удивительно красива. Её свод цветными спиралями – красными, синими и зелёными, – уходил в сердцевину купола; арки в виде перевёрнутых сердец грациозно упирались на резные колонны. Вдоль оконных и дверных карнизов вились выложенные золотой мозаикой надписи на арканском языке, сплетаясь в одно целое с причудливыми арабесками из цветов, невиданных животных и сказочных чудовищ.

В середине опочивальни на широком ложе под синим шёлковым балдахинном, расшитом серебряными птицами, лежал Тар’иик, Красный советник его высочества Мааг’сума, шейна Гази.

Роскошный Белый дворец шейна высился над городом –

говорили, что там даже двери из золота, а в садах поют птицы, привезённые из Восточной империи. Множество советников окружало Властелина моря, и самыми высокопоставленными из них являлись Жёлтые. Как уже знала Эйвион, всего их было трое. Ступенькой ниже стояли шесть Зелёных, и, наконец, замыкали круг *Совета мудрых* девять Красных советников.

Никого из них, кроме господина Тар'иика, Эйвион никогда не встречала, только однажды за те полгода, что ей позволялось покидать дом, она видела, как по улице плавно проплыл паланкин Зелёного советника. Паланкин, тёмного с позолотой дерева, со всех сторон закрытый занавесками, несли восемь черных как смоль рабов, а впереди и сзади, будто не замечая жары, вышагивали солдаты в сверкающих на солнце кольчугах.

Фаиза поведала Эйвион, что Жёлтые и Зелёные советники не живут в Гази – их дворцы стоят на других островах Южного моря, – но лишь время от времени приезжают сюда по повелению шейна, зато пятеро из девятерых Красных постоянно находятся при своём господине.

– А далеко-далеко отсюда, – говорила старуха, – наверное, в месяце пути, в стране Аркаан, стоит дворец Великого Ал'иима, *сайида* всех шейнов Морского народа.

Эйвион опустилась на колени и, коснувшись лбом прохладного пола, замерла на несколько мгновений.

– Ты можешь подойти, – сказал Тар'иик.

В опочивальне царил полумрак, который едва рассеивали лучики света, пробивавшиеся сквозь цветную мозаику витражей. Эйвион на носочках подошла к кровати, ещё дважды остановившись, чтобы поклониться.

Тар'иик лежал раскинув ноги, почти обнаженный, прикрытый лишь небольшой набедренной повязкой. Это был крупный мужчина лет около тридцати, мускулистый и с волосатой грудью. Голова его была гладко выбрита; лоб прорезывала едва заметная чёрная горизонтальная полоска – единственная татуировка, указывающая на его высокий ранг.

Эйвион сняла бусы и аккуратно сложила их на пол рядом с кроватью – звяканье ожерелий раздражало господина, – затем нанесла себе на ладони немного лечебной мази и плавными движениями, сверху вниз, принялась втирать её в больное колено. Тар'иик лежал молча, внимательно наблюдая за ней из-под полуопущенных век. И вдруг, приподнявшись, положил ладонь на её руку.

– Моя нога сегодня не болит.

Эйвион подняла глаза.

– Я... не понимаю, господин.

Не отпуская руки, он, едва касаясь, провёл пальцами по гладкому полукружью её бедра, выглядывавшего из разреза *тенуры*. Она вздрогнула, внутренне сжавшись.

– Ты совсем расцвела, Эйша.

Она молчала, тяжело дыша.

– Сними это. – Он взглядом указал на её юбку.

Руки Эйвион путались в завязках. Наконец, она встала прямо. Тар’иик, скользнув взглядом, удовлетворённо кивнул.

– Прекрасно. Скажи... какая-нибудь пчела уже пила нектар из твоего цветка?

Эйвион покраснела.

– Отвечай.

– Нет, господин, – едва слышно прошептала она.

Тар’иик откинулся на спинку кровати.

– Хорошо. Отправляйся к Фаизе.

* * *

Эйвион привалилась спиной к стене. Губы её дрожали.

– Глупая, – проворчала Фаиза, – любая другая на твоём месте визжала бы от счастья. И ты, с твоим-то лицом, ещё смеешь пускать слезу. Рано или поздно это должно случиться у всякой женщины. И лучше пусть это будет господин Тар’иик, который благоволит к тебе, чем кто другой. Или ты думаешь иначе?

Эйвион растерянно покачала головой.

– То-то, – буркнула старуха. – И знай: выбора у тебя нет. А если господину будет угодно, из его постели ты встанешь не рабыней, а *харим* – той, которую он выбрал. Сними эти тряпки.

Фаиза медленно обошла вокруг Эйвион, придирчиво её разглядывая. Пощупала грудь, ягодицы, живот, зачем-то велела поднять руки.

– Иди за мной, – буркнула она, наконец, – одежду оставь. Эта больше тебе не пригодится.

Они пошли куда-то вниз, узким коридором, потом через залу с ещё одним бассейном.

– Туда. – *Эн'харим* указала на небольшую дверцу. – Там Мааруф, делай то, что он скажет. И не бойся – он *н'арк*.

Эйвион вопросительно подняла глаза.

– Не мужчина, – пояснила старуха. – Через час я заберу тебя.

Мааруф оказался толстым и розовощёким, с гладким лицом, лишённым каких бы то ни было признаков растительности. Из одежды на нём была лишь набедренная повязка.

– Пожалуйста, – нараспев произнёс он, поклонившись, – но сначала наденьте это...

Он указал ей на сандалии на деревянной подошве.

Зала была круглой и полутёмной, с насыщенным паром воздухом; в её середине стояло что-то вроде низкого мраморного стола. Мааруф завёл Эйвион в небольшую комнатку, очень жаркую. Дождавшись, когда с Эйвион сойдёт семь потов, он сказал ей прыгнуть в бассейн с такой прохладной водой, что у неё захватило дух. Эту процедуру Эйвион повторила три раза, и после третьего евнух велел ей залезть в небольшую ванную, наполненную странной на вкус кисло-

ватой водой, а через четверть часа, уложив её на тот самый мраморный стол, принялся растирать шершавой перчаткой. Под конец он натёр её с головы до ног какой-то пеной, запах которой напомнил Эйвион оливковое масло.

Наверное, это было бы очень приятно, если бы голову Эйвион не переполняли беспорядочные мысли, которые, сшибаясь друг с другом и разлетаясь осколками, порождали невероятный сумбур. Под мягкими прикосновениями пухлых рук евнуха она то впадала в лёгкое забытие, то вздрагивала, лихорадочно представляя себе, что будет дальше. Навязчиво скреблась коготками безумная мысль о побеге. Вскочить прямо сейчас, и мимо банщика – в дверь. Он толстый, в жизни не догонит. Сердце заколотилось отчаянно, и Эйвион едва смогла взять себя в руки. Некуда бежать. С острова уплыть не получится, а в Гази её сразу же найдут. Ей даже негде спрятаться. А потом... Она знала, какое наказание ждёт сбежавшую рабыню: плети, и большая железная клетка на площади. Одна женщина в такой клетке сначала плакала и стонала, на следующий день только бессильно царапала пыльную землю, а на третий высохла под палящим солнцем. Эйвион видела её закатившиеся глаза и распухший язык, торчащий из открытого рта, а тощая рыжая псина с урчанием обглаживала вывалившуюся из клетки руку.

Наверное, думала Эйвион, старая Фаиза права: рано или поздно это случится, и хорошо, что это будет господин Тар'иик, куда лучше, чем если бы что-то такое с ней сотворили те

дикари из Морского народа. В конце концов, он знатен и совсем не уродлив. Да, так лучше, занудно твердила она сама себе, но облегчение почему-то не приходило.

Потом вернулась Фаиза, и Эйвион поплелась за ней как сомнамбула. Какие-то девушки расчёсывали ей волосы, сурьмили брови и глаза, делали что-то ещё, чего она не понимала, а спрашивать не было никакого желания. Затем в комнату зашёл незнакомый мужчина в длинном, до пят, белом одеянии, велел ей лечь и раздвинуть ноги. Эйвион было уже всё равно. Мужчина кивнул старухе, и та, удовлетворённо улыбнувшись, проводила его к выходу. Едва касаясь, те же девушки надушили её разными ароматами: запястья одним, шею и грудь другим, ноги – третьим.

– ...розмарин разжигает любовную страсть, – бубнила над ухом *эн'харшим*, – жасмин умножает силы. Лаванда и цикламен очаровывают нежностью, а красная роза возбуждает мужское желание...

Эйвион поставили посреди комнаты и служанки принялись одевать её в белое платье с золотыми узорами. Платье оказалось полупрозрачным, с длинными, едва не до талии, разрезами, идущими по передней стороне ног; бёдра украсили тяжёлым золотым поясом, застёгнутым на узорчатую пряжку.

От густого запаха благовоний, курившихся в высоких кованых подставках, духов и масел Эйвион стало дурно, и она почти с облегчением услышала приказ Фаизы идти за ней.

Тем временем на улицы Гази уже опустилась ночь; снаружи доносились голоса городских стражников, призывавших тушить огни, и далёкий лай собак.

Дверь открылась...

В опочивальне господина Тар'иика горели бронзовые светильники, распространяя вокруг неясный желтоватый свет.

...и закрылась с лёгким скрипом.

Его руки скользнули по её спине, шее. Эйвион дрожала, как на ветру, не смея поднять глаза.

– Не бойся, – мягко сказал он.

Совсем незаметный среди резных узоров, покрывавших противоположную от кровати стену, открылся и тут же закрылся крохотный глазок.

Глава 3. Харим господина Тар'иика

Следующая неделя – или две? – прошли для Эйвион в какой-то дымке.

Она не работала: Фаиза просто хмыкнула в ответ на вопрос, что ей нужно делать сегодня. Она спала, ела персики, виноград и сочные гранаты, сок от которых тёк по подбородку, пила сладкое вино, слушала пение птиц в саду, рассматривала красочные картинки в толстых фолиантах, потом опять спала, наслаждаясь спокойствием и блаженным ничегонеделаньем. Вместо её маленькой клетушки на задворках дома ей предоставили собственные покои в женской половине: не очень большие, но уютные, с мягкой кроватью, резным столиком, и витражным окном, выходящим во внутренний двор. И каждый день евнух Мааруф парил её и умащивал душистыми притираниями, от которых становилось так легко и звонко, как на душе в весеннее утро, промытое ночным дождём.

И каждый вечер господин Тар'иик требовал её к себе.

– Не пойму, – проворчала как-то Фаиза, в очередной раз заявившись к своей подопечной, – чем ты так его приворожила? Он уже месяц не хочет видеть свою жену. Спору нет, ты сложена, словно богиня Асма, но это... – она указала на её лицо.

– Я не знаю, – сказала Эйвион недовольно. Она не хотела

думать о жене Тар'иика.

Следующей ночи она боялась ужасно, но это оказалось совсем не так больно, как в первый раз, и она благодарно улыбнулась своему господину.

Он был нежен; терпелив, но настойчив, и её первоначальная робость мало-помалу отступала перед новыми удивительными ощущениями. Она словно проснулась, и в какой-то момент поймала себя на том, что сидит и ждёт, когда наступит вечер. Она немного смущалась своей наготы и, заметив это, он стал оставлять только один едва мерцающий светильник. Эйвион опускала ресницы, откидывала голову назад, её волосы волнами струились по простыням, и неизведанный мир открывался перед нею. Его пальцы скользили по телу, и она едва заметно вздрагивала, словно чего-то боясь, но прикосновения были так легки и неожиданно приятны, что однажды она сама задержала его руку, тут же испугавшись своего отчаянного распутства.

Днём Эйвион не бездельничала и, когда сон и пение птиц в саду прискучивали, бралась за чтение. По-аркански она читать не умела: буквы Морского народа походили на повторяющиеся причудливые переплетения арабесок, которые мало чем отличались друг от друга. Евнух Мааруф, однако, оказался сведущим не только в части банных дел, и во время длительных купальных процедур терпеливо разъяснял Эйвион книжные премудрости.

Эйвион просила Фаизу приносить ей книги, и та, получив

дозволение Тар'иика, таскала их из господской библиотеки одну за другой. Тар'иик, по её словам, оказался весьма удивлён этим желанием своей новой наложницы, но препятствовать не стал. Сама *хозяйка жён* была неграмотна, и при выборе руководствовалась скорее яркостью переплётов и красочностью миниатюр. Единственное, в чём она время от времени поучала свою подопечную, были хитрости женской науки, иногда такие, что слушая, Эйвион краснела и отворачивалась к окну, делая вид, что там происходит нечто весьма интересное, однако по ночам нередко вспоминала услышанное, ворочаясь и подолгу не засыпая.

Однажды она сидела у себя в комнате и читала. Может, именно эта книга попалась случайно, а скорее всего, старая Фаиза намеренно подсунула её, прельстившись картинками. Эйвион медленно водила пальцем по строчкам, закусив губу, замирая от непривычного томления, и очнулась только тогда, когда дрожащий язычок пламени в лампе погас. На дворе уже стояла ночь, и господин Тар'иик не позвал её.

Эйвион не спала до утра, глядя в темноту, и с первыми лучами солнца послала за Фаизой. Облегчённо вздохнула: он просто уехал по делам. А когда вернулся – это произошло через три дня, – и наступила очередная ночь, случилось так, что горячая волна затопила всё её существо, и в голове помутилось от дурманящего чувства полёта. Она зарычала и крепко-крепко обхватила его ногами, задвигала бёдрами навстречу его движениям, вцепилась скрюченными пальцами.

«Сильнее, сильнее», – хрипло зашептала она – и очнулась от звука собственного голоса.

Он смотрел на неё с лёгким изумлением. На его плечах отчётливо виднелись алые полосы с выступившими капельками крови. Она испугалась, и, должно быть, Тар’иик это заметил. Но не её внезапная животная страсть и не вид крови потрясли Эйвион больше всего.

Его лицо.

Потемневшее, с гниющей язвой на левой щеке. Эйвион моргнула – и язва пропала. Должно быть, просто неровный свет от лампы.

Тар’иик усмехнулся.

– Ты удивила меня. Я не думал, что бледнокожие женщины *корнов* так горячи. Кем ты была в своей стране? Расскажи.

Эйвион села на кровати, пытаясь отдышаться. Её грудь вздымалась тяжело, а тело отчётливо белело в полумраке, но почему-то ей не хотелось ничего прятать. Он налил себе бокал вина и слушал внимательно, задавая самые разные вопросы.

– Ты – дочь малого советника? – поразился он, пытаясь уразуметь услышанное. Эйвион часто не находила подходящих слов в арканском языке. «Рисарь, рисарь» – несколько раз повторил за ней Тар’иик, словно пробуя незнакомые звуки на вкус.

– Рыцарь, – улыбнувшись, поправила его Эйвион.

А много ли *шейнов* в Корнваллисе? Как это возможно, что

шейны ведут между собой войны и почему ваш *сайид* не дарует им *господскую милость*? Брови Тар'иика медленно поползли вверх, когда Эйвион поведала ему, что среди корнваллиссских шейнов есть женщины, и даже сам король, если у него нет сыновей, может назначить своей преемницей дочь или сестру, и поэтому всех наследниц дворянских родов обязательно учат грамоте и другим наукам.

– И эти женщины так могущественны, что мужчины признают их власть? – задумчиво спросил он.

Они разговаривали полночи, даже дольше – за окном уже забрезжил рассвет, и бронзовые лампы давно погасли, – а уже к следующему полудню Фаиза, придя к Эйвион, остановилась на пороге и поклонилась. Позади неё виднелись две служанки, тоже склонившиеся в пояс.

– Господин Тар'иик приказал препроводить тебя в другие покои. Эти недостойны его *харим*.

* * *

«*Господской милостью*» у арканов именовалась склянка с ядом, которую шейн или сайид присылали провинившимся знатным подданным.

Как поняла Эйвион, у Морского народа не было вассалов и сеньоров, и вообще отсутствовало представление о знатной крови. Точнее, оно было, но совсем не такое, как в королевстве Корнваллис. Советником мог стать любой из под-

данных шейна, которого тот счёл подходящим для этой роли. Но – и это было очень важное дополнение, – назначить нового советника шейн мог только на освободившееся место. Шейн не жаловал советникам ни земель, коих в Гази просто не было, ни особых титулов, но лишь право на почёт и уважение, много обязанностей, а в довесок – часть своих доходов. У Эйвион широко открылись глаза, когда Тар’иик мимоходом упомянул о том, что по милости шейна Мааг’сума он обладает правом рыбной ловли в Гази. Тар’иик, заметив её изумление, изрядно развеселился.

– Да нет же, – едва не поперхнувшись вином, сказал он, – это означает, что мне причитается десятая часть налогов с продажи рыбы на здешних рынках. Но я должен следить за тем, чтобы прочие доходы неукоснительно поступали в Белый дворец.

Шейн, как и каждый из его советников, запросто мог взять в жёны любую женщину, даже рабыню, которая, если устраивала своего господина в качестве наложницы, становилась *харим*, «любимой», а если приносила ему ребёнка, переходила в ранг «*ихтиб*», то есть «уважаемой».

С другой стороны, сам Тар’иик являлся Красным советником в пятом поколении, его мать была дочерью другого Красного советника, а нынешняя жена, Зуриффе – дочерью одного из нынешних Зелёных. Советники как бы составляли одну знатную группу, но легко могли лишиться своего места и даже жизни по прихоти шейна.

Услышав это, Эйвион сделала для себя кое-какие выводы. Про Зуриффе она ничего у господина Тар'иика не спрашивала, но знала, что у них нет детей.

– Вообще-то, – шепнула ей как-то раз её подружка Аяйт, – этого вполне достаточно, чтобы отказаться от жены. Не понимаю, чего он тянет, и почему не возьмёт ещё одну.

А Эйвион теперь поняла. Вряд ли он может, даже если захочет, просто так выгнать со двора дочь Зелёного советника. Ей даже стало жалко Зуриффе.

Эйвион давно её не видела, но знала, что Зуриффе почти не покидает свои покои на женской половине, как, впрочем, все жёны знатных чиновников. На вид ей было около двадцати пяти лет; с большими грустными глазами, всегда густо подведёнными сурьмой, тонким носом, и пухлыми губами. Со слугами она вела себя доброжелательно и спокойно, но, как сейчас догадывалась Эйвион, это спокойствие ей дорого стоило.

Один раз ночью, уже в своей опочивальне, Эйвион, внезапно проснувшись, села на кровати, уставившись на тусклый огонёк, пляшущий в лампе. А вдруг она понесёт от господина Тар'иика? Она, конечно, ещё очень молода, но мало ли? Бывает, что рожают и раньше. Что тогда будет с Зуриффе? И кем станет она сама? Эти мысли не давали Эйвион уснуть до самого утра, и только когда уже забрезжил рассвет, она забылась беспокойным сном на сбитой в комок простыне.

Прошло, наверное, уже около месяца, когда господин

Тар'иик вызвал Эйвион в неурочный час. Он сидел в своём кабинете, небольшой комнате с пышным ковром на полу, и стенами, заставленными книжными полками. Его лицо было сосредоточенным и хмурым, а в руке он держал развёрнутый лист пергамента, который при появлении Эйвион небрежно бросил в ящик стола.

– Мой господин звал... – начала она, но Тар'иик лишь махнул рукой, приказывая замолчать. Затем внимательно оглядел Эйвион, так, словно видел её в первый раз.

– Завтра утром ты отправляешься в Белый дворец.

Она вопросительно посмотрела на него.

– На днях его высочество Мааг'сум, шейн Гази и близлежащих островов, поинтересовался моим здоровьем. Я отвечал ему, что, хвала богам, моя нога больше меня не беспокоит. Мне пришлось рассказать его высочеству о девушке из народа корнов, что живёт в моём доме, и обладает удивительными умениями, такими, которые незнакомы здешним лекарям.

– Шейн болен? – растерянно спросила Эйвион. – Но, мой господин... я не училась специально лекарскому делу, и мои познания ограничены.

Тар'иик опять махнул рукой.

– Это уже неважно. В любом случае я не могу отказать ему в твоей помощи.

– Но здесь нет даже половины тех трав, что нужны для моих лекарств...

Тар'иик раздражённо хлопнул ладонью по столу.

– Я сказал – неважно. Ты должна ему помочь. Мы найдём замены твоим травмам. – Иди.

Эйвион склонилась в поклоне и, пятясь, вышла из комнаты.

* * *

Направляясь к Белому дворцу, Эйвион странно себя чувствовала. Так, будто на неё все смотрят. Наверняка никто не смотрел, поскольку и смотреть-то особо было не на что, но всё же.

На ней было три – целых три! – платья, хотя ни одно из них в Корнваллисе не удостоилось бы такого названия. Название имелось у каждого из них, но сходу Эйвион их не запомнила. Нижнее платье, по сути просто юбка, оставлявшая верхнюю часть тела обнажённой, начиналось под грудью и доходило до самых пят. Не белого, но нежно-персикового цвета, в потрясающей красоте вышивке из цветов и райских птиц. Но и это не всё: листья цветов были исполнены золотой нитью, а в глазах птиц сверкали крохотные рубины. Держалась вся эта роскошь на тоненьких бретелях с мелкими драгоценными камнями. Руки и шею украшали тяжелые браслеты и ожерелья из самоцветов.

Сверху на Эйвион надели другое, кисейное – это было даже не платье, а длинный кусок прозрачной ткани, искусно

драпированный и скреплённый на плече брошью, а в талии подвязанный шёлковым поясом. И, наконец, довершал наряд простой белый тончайшего полотна плащ, почти полностью скрывавший всё это великолепиие: лишь два небольших, по пол-локтя, разреза в подоле давали любопытным взорам возможность увидеть и оценить богатство нижнего платья. На ноги ей надели туфли без пяток, остроносые и тоже в узорах, а на лицо – вечный платок, не чёрный, но белый, к которому, в отличие от одеяний рабынь, добавилась накидка, скрывавшая волосы. Даже не накидка, а шёлковая сеточка, усыпанная мелким жемчугом; на голове она держалась тоненькой золотой диадемой.

Если кто на неё и смотрел, то заметить это было почти невозможно.

Паланкин Эйвион не полагался, и она шла пешком, как любая другая женщина, но разглядывать *харим* Красного советника было сродни оскорблению, воровству того, что могло принадлежать только ему, и два евнуха со сверкающими алебардами в руках одним своим грозным видом заставляли зевак прижиматься к стенам домов.

Однако, как бы богато не была одета Эйвион, и какое бы количество драгоценностей не сверкало на её платье, запястьях и шее, ей всё же полагалось уступать дорогу свободным арканкам, кроме совсем уж горьких нищенок, которых евнухи просто отгоняли в сторону. Её плащ свидетельствовал лишь об одном: она была рабыней, удостоенной чести

ублажать своего господина, а потому являла для него определённую ценность. Одежды свободных женщин чаще всего не скрывали их фигуры, хотя отличались невероятным разнообразием: Морской народ занимал десятки островов во всей южной части моря Арит. Среди подданных Ал'иима, Великого *сайида* всех арканов, были светлокожие, смуглые и совсем чёрные, вид которых поначалу пугал Эйвион: и мужчины и женщины ходили в одних набедренных повязках, страшно сверкая белками глаз, сжимая в руках копья и звеня невероятным количеством бус. Одежды прочих так же мало походили друг на друга, как и лица их владельцев. Перед глазами Эйвион мелькали женщины в богатых юбках, наподобие той, что была надета на ней самой, бесстрашно подставлявшие обнажённую грудь палящему солнцу; женщины в длинных одеяниях, скрывавших даже кончики пальцев; в цветастых платьях с разрезами до самой талии; а один раз она заметила странную компанию, при встрече с которой даже вооружённые мужчины отводили глаза: человек пять белокожих женщин, в коротких, до колен, кожаных юбках с металлическими бляхами, и таких же нагрудниках. У каждой из них на боку болтался короткий меч, за спиной – небольшой щит, а взгляд серых глаз был холоден и жесток. В отличие от всех прочих, они единственные не носили платков на лицах.

Эйвион с интересом смотрела по сторонам, при этом стараясь не слишком выказывать своё любопытство – здесь это

считалось дурным тоном. Дом господина Тар'иика, как она уже знала, в отличие от жилищ прочих чиновников, находился дальше всего от Белого дворца, и ближе к порту – это было неудобство, связанное с обязанностями Красного советника. Уже очень скоро она и её сопровождающие свернули на улицу, где Эйвион никогда не бывала: гораздо более тихую и чистую, чем знакомая ей часть портовых кварталов с его лавками, мастерскими, и кишашими людом рынками.

Здесь были те же самые стены из глиняного кирпича, однако цветные витражи, богатые циновки у дверей и аккуратные садики с апельсиновыми деревьями и пальмами в кадках ясно свидетельствовали если не о знатности, то о достатке местных жителей. Одна-единственная рабыня мела пустынную улицу, тут же сбрызгивая мостовую водой из кожаного бурдюка; увидев *харим* в белом плаще и сопровождающую её охрану, она почтительно поклонилась.

– Это улица Ариф, госпожа, – сказал один из евнухов.

– Ариф? – переспросила Эйвион. Она не знала этого слова.

– Улица *мудрецов*, – пояснил тот, – тех, что служат нашему шейну своими знаниями. Это – самый короткий путь к Белому дворцу. И, кроме того, господин Тар'иик велел показать вам это место. Здесь живут *нааби*, которым знакомы секреты древних книг. Если понадобится, *нааби* будут внимательны к просьбе Красного советника.

Эйвион кивнула. Она не вполне поняла, зачем ей это, но

после недолгих раздумий решила, что скорее всего Тар'иик имел в виду учёных врачей, которые смогут помочь в поиске нужных рецептов. Услышанное вернуло её к цели прогулки по городу, и чем ближе они подходили к дворцу шейна, тем больше Эйвион волновалась.

«А вдруг я ничем не смогу помочь?» – эта мысль назойливо вертелась в её голове, и всю последующую дорогу она уже не обращала внимания ни на прекрасные сады, ни на стражников в сверкающих золотом кольчугах, ни на богатые паланкины, всё чаще попадавшиеся на пути, и её сердце едва не ушло в пятки, когда перед глазами встала белокаменная громада дворца шейна.

Двустворчатые ворота были огромны, в четыре или пять раз выше человеческого роста, от низа и до верха покрытые резьбой: птицы и невиданные животные, лианы, морские чудовища и корабли переплетались в тончайшем узоры. Два стражника недвижимыми статуями застыли перед ними, скрестив алебарды с длинными серповидными лезвиями. От блеска их доспехов слепило глаза. Один из евнухов, сопровождавших Эйвион, тот самый, что рассказывал ей про улицу Ариф, что-то сказал стражникам, и те, ни слова не говоря, раздвинули алебарды в стороны. Небольшая дверца в одной из створок распахнулась.

Широкая лестница вела наверх, к жилищу его высочества Мааг'сума, и от его великолепия у Эйвион захватило дух. Весь белый, в каменном кружеве колонн и сердцевидных

арок, с изящными балконами и многочисленными башнями и башенками, увенчанными золочёными куполами с островерхими шпилями. Справа и слева расстился изумрудно-зелёный сад: прямые как мачты стволы пальм вздымались на тридцатифутовую высоту; странные растения с огромными глянцевыми листьями нависали над круглыми фонтанами; кругом красные, фиолетовые цветы таких размеров, что внутрь бутона поместился бы мужской кулак, и – Эйвион вздрогнула от неожиданности, – на камне лежали два зверя, с виду похожих на больших кошек, только с пятнистыми шкурами. Их поразительно жёлтые глаза не отрываясь следили за гостями.

– Они ручные, – вдруг произнёс чей-то голос.

Эйвион подняла голову. Наверху лестницы стояла немолодая уже женщина в почти таком же, как у Эйвион, наряде, только без плаща; её нижняя юбка была голубой с серебряными узорами, а кисея переливалась всеми цветами радуги.

– Иди за мной, дитя, – сказала она. – Господин ждёт тебя. Твои люди останутся здесь. Накидку оставь.

Глава 4. Лечебное снабдьё

Мааг'сум, его высочество шейн Гази и близлежащих островов, оказался старичком с белоснежной бородой. Он возлежал на кушетке, прикрыв глаза, и недовольно морщился, когда стоявшая рядом рабыня аккуратно вытирала ему покрасневшие слёзы платочком. В комнате царил полумрак, и только пара бронзовых ламп освещала сидевших прямо на полу музыкантов, вытягивающих заунывные звуки из своих инструментов. Такую же музыку Эйвион много раз слышала в доме господина Тар'иика, но, честно говоря, за всё время так и не смогла к ней привыкнуть, даже несмотря на то, что окружающим она явно нравилась: они качали головами и даже что-то напевали.

Та женщина, что проводила сюда Эйвион, что-то шепнула шейну на ухо, и он очнулся. Махнул рукой, и музыканты, кланяясь, поднялись и гуськом потянулись прочь.

– У Тар'иика всегда был прекрасный вкус, – буркнул он, подслеповато глянув на Эйвион. – Жаль только, что старческая немощ мешает мне в должной мере насладиться такой юной красотой.

Шейн раздражённо отпихнул руку рабыни, что вытирала ему слёзы, и резво сел на кушетке, заставив Эйвион на мгновение посомневаться в его старческих слабостях.

– Подойди, – буркнул он, – и скажи, что тут можно сде-

лать. Но имей в виду: если похвалы твоего хозяина окажутся пустыми, мне, пожалуй, придётся его проучить. Что скажешь, Басма? – Женщина, что привела Эйвион, поклонилась. – Если я заберу себе эту девушку, это будет достаточным наказанием?

Не дожидаясь ответа, он пальцем поманил Эйвион.
– Приступай.

Четверть часа спустя Эйвион возвращалась назад, едва не напевая под нос. Она знала средство, которое могло помочь его высочеству Мааг'суму, или, во всяком случае, облегчить его страдания.

Совсем недавно – ну, или почти недавно, – матушка Маргет учила её этой премудрости. В её каморке на топчане лежал старик Дерин, дубильщик в Озёрном Лугу, а Маргет по кончику ножа закапывала ему в глаза лечебные капли.

– Рано или поздно такое случается, – бормотала она, – либо глаза болят, либо зрение уже не так остро. Если человек молодой, то может, и видеть лучше станет, если старый, то вряд ли, но боль и рези точно как рукой снимет. Но закапывать надо долго, неделю или две, а иначе все старания псу под хвост...

Шейна мучило слезотечение, его веки отекали, белки глаз были красны, а солнечный свет вызывал боль – точь-в-точь, как у Дерина. Единственное, что вызывало у Эйвион лёгкое беспокойство – это одна трава, которой она не видела в лавке у лекаря Дахила. «Ну, может, не приглядывалась, – подумала

она, – и даже если нет, просто купорос тоже поможет, хотя и не так хорошо».

Эйвион неспешно шла по анфиладе комнат. Комнаты были пустынные – уже наступило время послеполуденного отдыха, и ей ничто не мешало удивляться богатству их убранства.

– Хм, – буркнул вдруг кто-то, – в Северных землях такой наряд сочли бы оскорбительным для достоинства леди.

Эйвион остановилась, в первое мгновение не поняв, в чём дело. Это было сказано на языке корнов.

Она обернулась. Привалившись к стене, там стоял карлик Корах. Со смешной бородой, заплетённой в косички с бубенчиками, в странных полосатых шароварах, ярко-жёлтой безрукавке на голое тело, и дурацкой шапочке, но это определённо был он. На его поясе сбоку болталась почти игрушечных размеров, но настоящая сабелька. В душе Эйвион всё перевернулось от бешеной радости, но она нашла силы сдержаться, сама не зная зачем. Она скосила глаза вниз. Прозрачная кисея её платья лишь добавляла теней, но совершенно не была способна скрыть чудесные округлости с немного потемневшими от южного солнца сосками. Эйвион чуть смутилась, но гордо расправила плечи.

– Ты считаешь мою грудь некрасивой?

– Она прекрасна, госпожа.

– Так разве красивая грудь способна оскорбить достоинство женщины?

Корах церемонно поклонился.

– О, безусловно, только подчеркнуть. – Он вдруг хитро усмехнулся. – Что я слышу? Это совсем не те слова, которые сказала бы та девочка полтора года назад.

Эйвион не выдержала. Она упала на колени и крепко прижалась к себе маленького человечка. Он обнял её за плечи. Колокольчики в бороде зазвенели.

– О боги... Корах, я так рада... – Слёзы потекли по её щекам.

Может быть, ей показалось, но она тоже увидела в глазах Кораха крошечные слезинки.

– Да... я нашёл вас, госпожа.

Они стояли так несколько минут. Наконец Корах мягко похлопал её по плечу.

– Вам лучше встать. А не то мы оба легко лишимся головы за эти объятья.

– Да. – Шмыгнув носом, Эйвион поднялась с колен и улыбнулась. – Забавные бубенчики. Зачем?

Корах пожал плечами.

– А Вил их знает. Северяне, которых я встречал на островах, все носят такие. Может, для красоты, хотя это дьявольски неудобно. Чтобы не отличаться от остальных. А у вас что за наряд? – спросил карлик. – Вы – свободная женщина?

– Нет. Я – *харим* господина Тар’иика, Красного советника.

– *Харим*? – Его густые брови приподнялись. – О... я знаю это слово.

– Ах, перестань. – Эйвион слегка покраснела. – Это случилось не по моей воле.

– Хм. – Корах внимательно посмотрел на неё. – Что-то я не вижу особой грусти в твоих глазах.

– Грусти? – Эйвион пожала плечами. – Не знаю. У меня мягкая постель, есть своя служанка, мне не нужно работать, я сыта, красиво одета...

– Красиво раздета... – буркнул карлик.

– Здесь все так ходят, – нахмурилась Эйвион. – Ты искал меня, чтобы поучить, как надо себя вести?

– Нет. Я – твой вассал. Помнишь? Чтобы спасти тебя.

– От чего? – Эйвион сделала шаг. – Пойдём, проводишь меня. Я не могу долго оставаться здесь.

Кивнув, Корах засеменил за ней на своих маленьких ножках.

– Сам посуди, – продолжила она, – кем я была там? Уродиной с Виловой печатью на лице...

Корах нахмурился.

– Смотрю, в первую очередь тебя надо спасать от тебя самой. Чушь. Ты была там госпожой Ллир, дочерью рыцаря в четвёртом поколении, владелицей собственного замка.

– Я вообще не помню, как он выглядит...

– Так отчего ж не посмотреть? И, если не ошибаюсь, в Ллире сейчас живёт с полтыщи твоих подданных, которых ты бросила, оставила без хозяйки.

– Я не бросала. Корах, послушай... Я никогда в жизни не

была госпожой. Я жила в крохотной клетушке вместе с челядью и бегала по грязи босиком. Подданные, замок... я даже не понимаю, о чём ты говоришь.

– Да всё равно. По мне, так лучше быть первым парнем на деревне, чем десятым в... да каким десятым?! Кто ты здесь такая? «Я не могу долго тут оставаться...» – передразнил он её. – Здесь ты – рабыня, дырка для услады своего хозяина.

– Перестань, – рассердилась Эйвион.

– Это с какой радости перестать? Чего ради я проплыл тысячу миль и облазил два десятка островов? Чтобы услышать, что моей госпоже, которой я дал слово верности, больше по душе сидеть в золотой клетке и раздвигать ноги по первому требованию?

– Как любой жене, между прочим.

– Пф-ф. – Карлик чуть не лопнул от возмущения. – Интересно, а что ты будешь делать годков через пять-десять, когда твоя свежесть немного подвянет? Сидеть в уголке и смотреть, как господин тащит в постель других молоденьких рабынь? В Корнваллисе, в отличие от этих дикарей, никто не смеет гнать свою жену, и уж тем более не может продать её на рынке, словно старую корову.

Впереди показалась дверь с двумя слугами по каждую сторону, и Эйвион с облегчением остановилась. В её душе бушевала буря.

– Извини, Корах. Дальше нам не надо идти вместе. И... – она наклонилась и, оттянув в сторону лицевой платок, по-

целовала его в колючую щёку, – я сейчас не хочу говорить об этом. Я буду здесь завтра, за час до полудня. Расскажешь мне, как попал сюда.

Он хмуро кивнул ей вслед.

* * *

Для изготовления «медной воды», кроме купороса, который можно было легко найти в любой лекарственной лавке, ещё требовалась дымянка, но, как Эйвион не старалась, расписывая Дахилу эту траву – «очень густо растёт, в локоть высотой, с длинными листочками и розовыми цветками, и орешки у неё бурые. Ну, цветы ещё красные бывают, и фиолетовые», – увы, лекарь только разводил руками.

– Нет, уважаемая Эйша, – шелестел он старческим голосом, – такого на Гази не растёт. Ни здесь, и ни на одном из южных островов. Должно быть, северное растение.

А когда Эйвион мимоходом упомянула о том, что в больших количествах дымянка ядовита, лекарь в ужасе замахал руками:

– Что ты, что ты, дитя моё... с таким снадобьем прямая дорога на позорный камень...

У Морского народа были странные врачеватели. Они готовили микстуры и мази из рыбьей чешуи и моллюсков, добавляли туда водоросли, измельчённые в пыль сушёные языки черепах, хвосты ящериц с бесплодных островов Средне-

го моря и прочие редкостные ингредиенты, но при этом с необъяснимым опасением относились к травам, растущим не в воде, использовали их редко и с превеликой осторожностью. «Неудивительно, – думала Эйвион, – что они ничем не могут помочь своему шейну».

– Что же делать? – расстроилась она, и Дахил, пожевав губами, ответил:

– Увы, я простой продавец зелий, и мало понимаю в высокой медицине. Но пару лет назад у госпожи Зурифе, супруги советника Тар’иика, случилась сыпь на лице, и по моему совету она обратилась за помощью к одному из высокоучёных *нааби*, что в квартале Ариф. Простым людям к ним ход закрыт, и только его высочество Мааг’сум и его министры могут просить их поделиться божественной мудростью. Я даже не могу сказать, кто из *нааби* посоветовал госпоже Зурифе лечебное средство, но знаю, что оно помогло. Я думаю, что Красный советник не откажет в такой просьбе.

– Конечно, спасибо, уважаемый Дахил, – обрадовалась Эйвион и, пожелав старику доброго здоровья, почти бегом отправилась домой. Два толстых евнуха едва за ней поспевали.

Тар’иик выслушал её со вниманием и немедленно послал за своей женой. Зурифе взглянула на Эйвион лишь мельком, как на предмет обстановки, и хотя на её царственно-величественном лице ничего не отразилось, Эйвион готова была провалиться сквозь землю. Она уже забыла, когда послед-

ний раз видела супругу Красного советника, гоня мысли о ней прочь, и только сейчас вдруг вспомнила брошенные однажды слова Фаизы: «Он уже месяц не хочет видеть свою жену».

Зурифе была одета более чем роскошно, только по-домашнему, без верхней прозрачной накидки, как у Эйвион: великолепное изумрудного цвета платье, расшитое самоцветами, облегалo тяжёлые бёдра; такое длинное, что подол волочился сзади на пару шагов. Оно поддерживалось единственной бретелью, что шла спереди, соединяясь с широким ожерельем из десятков самоцветов, обвивавшем шею. Такие же браслеты украшали запястья. Её груди, полные и пока ещё высокие, вздымались в такт глубокому дыханию.

Тут же в голову Эйвион непрошеной гостьей ворвалась фраза Кораха о том, что случится через несколько лет, когда её свежесть приестся господину: «Будешь сидеть в уголке и смотреть, как он тащит в постель молоденьких рабынь». Сейчас молоденькая рабыня – это она.

Эйвион стало жарко; вихрь мыслей мешал ей вникнуть в суть разговора Тар'иика и Зурифе. Последняя даже не смотрела на соперницу, и слава богам: иначе бы Эйвион упала в обморок. Вскоре Зурифе ушла, и господин Тар'иик изволил обратить внимание на свою *харим*.

– Что с тобой? – спросил он, явно не ожидая ответа. Он был чем-то озабочен, а на столе перед ним лежали связки пергаментов. – Зурифе узнает всё, что нужно, и, наверное,

принесёт требуемую траву. Тебя *нааби* даже на порог не пустят.

Вдруг он поднял на неё глаза.

– Скажи, о моя *харим*... тебя не посмели обидеть в Белом дворце?

– Нет. – Эйвион слегка смешалась. – Меня кто-то мог обидеть? Шейн Мааг'сум был очень вежлив.

Тар'иик кивнул.

– Ты хорошо потрудились сегодня, я доволен. Ты можешь идти. Сегодня вечером я буду занят. Надеюсь, тебе хватит ночи, чтобы приготовить лекарство.

– Спасибо, господин, – Эйвион склонилась в поклоне и, не выпрямляясь, задом попятилась к двери. Ей почему-то захотелось плакать.

Через пару часов ей передали крохотный мешочек, на ощупь – с перетёртой травой. Это была не Зурифе: Эйвион страшно боялась, что супруга Тар'иика сама решит прийти к ней в гости. Мешочек принесла Айят, которую Эйвион тоже не встречала уже давно, и очень обрадовалась её приходу. Усевшись на кровать, они болтали до позднего вечера, и Айят без усталости восхищалась платьями Эйвион, её роскошными покоем и мягкостью перины.

– Эх, – сказала Айят, – вот если бы господин выбрал и меня тоже! А ещё внизу шепчутся, что он иногда не прочь сразу с двумя, или тремя... представляешь, как было бы весело!

Айят была высокой стройной девушкой, с бархатистой

смуглой кожей и вызывающе пухлой грудью. На год или полтора старше Эйвион, она, судя по некоторым её фразам, уже давно рассталась с девственностью.

В ответ Эйвион промолчала, и в этот момент, на её счастье, пришла старая Фаиза, которая немедленно принялась браниться на долгое отсутствие служанки. Потом они ушли, и Эйвион осталась одна.

В мешочке действительно оказалась трава, серая и давно пересушенная, уже совсем без запаха. Эйвион немного посетовала на это обстоятельство: по-хорошему, был нужен свежий сок из стебля дымянки. Эйвион никогда не видела, чтобы матушка Маргет сушила и хранила эту траву, но, после недолгих раздумий решила, что это лучше, чем ничего. В конце концов, её можно заварить, дать отстояться, и получить что-то вроде раствора.

Придя к этой мысли, она прихватила мешочек и отправилась на кухню.

* * *

На следующий день, однако, Эйвион не допустили до шейна Гази. Два человека в длинных белых одеждах встретили её у порога дворца и проводили в небольшую комнатку, где долго и с превеликим тщанием разглядывали на свет и нюхали склянку с лечебными каплями, что она принесла с собой. Затем туда под стражей привели какого-то человека, грязно-

го и нечёсаного, и щедро накапали ему этих капель в глаза.

Эйвион ждала несколько часов, пока наконец ей не велели отправляться домой и прийти только на следующий день. Склеянку с лекарством они оставили у себя.

– Неделю? Или две? – визгливо возмутился его высочество Мааг’сум, услышав слова Эйвион о том, что надо закапывать капли дважды в день, да ещё так долго. – Что за подделку вместо лекаря мне прислал Тар’иик? Неужели нельзя быстрее?

– Нельзя, – решительно заявила Эйвион. – Вас вообще сколько времени лечили ваши врачеватели? И что толку?

Она тут же ужасно испугалась. Что она говорит? Это же не дубильщик Дерин из Озёрного Луга. Едва успев заметить гневный взгляд старика, Эйвион бухнулась на колени и уткнула лоб в прохладный пол.

– Я прошу простить... – забормотала она, запинаясь. Мысли вылетели из головы. – Я... я... недостойна...

Вдруг до её слуха донёсся тихий смешок Мааг’сума.

– Хе, хе... женщины корнов очень смелы. И говорят быстрее, чем думают. Слышишь, Басма? Почему в моём доме до сих пор нет ни одной? Может, тогда хоть кто-то имел бы мужество говорить мне правду в лицо...

Эн’харшим шейна немедленно упала на колени рядом с Эйвион.

– Моя вина, о господин! – запричитала она.

– Довольно! – каркнул Мааг’сум. Эйвион почувствовала

лёгкий тычок в бок. – Начинай.

Вооружившись крохотной золотой ложечкой, Эйвион старательно закапала ему в глаза по несколько капель.

– И это всё? – прохрипел Мааг’сум. Он лежал на подушках, закинув голову далеко назад.

– Нет, ваше высочество. Ещё надобно сок пить из моркови, петрушки и сельдерея, и чернику есть, сколько сможете. Для глаз очень полезно.

– Это ты тоже принесла с собой?

– Я... нет, – растерялась Эйвион.

Старик развеселился.

– Ступай. – Он косо глянул на *хозяйку жён*. – Басма, проводи её до дома почтенного Тар’иика, и узнай, какую цену он хочет за свою *харим*...

Эйвион дрожала всю дорогу, но ни в этот день, ни на следующий Тар’иик ни словом не обмолвился о своём разговоре с *эн’харим* шейна, а сам Мааг’сум больше не упоминал об этом.

Спустя четыре дня властителю Гази стало лучше. Краснота с глаз заметно спала, и он даже смог выйти в сад. Когда Эйвион навестила его в очередной раз, он сидел на ступеньках своего дворца и кормил павлина, щедро разбрасывая вокруг мелкие кусочки мяса. Вокруг толпилось с дюжину человек в цветных одеждах, не считая стражи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.